

большевики, видя, что реальность диаметрально расходится с проповедуемыми принципами нового общественно-экономического уклада, совершенно игнорируют данное несоответствие. Да, частный сектор активнее, эффективнее, оборотистее и, в конце концов, полезнее для хозяйства страны, чем новые принудительно создаваемые коллективные формы хозяйствования. Однако ставка все-равно делается на это социалистическое хозяйство, поскольку «доктрина» утверждает, что в будущем эта форма экономики станет более совершенной, чем частнособственническая система.

Соответственно, необходимо разобраться, почему большевики непоколебимо верили в незыблемость проповедуемой ими доктрины?

Глава 3.

Теория К.Маркса о пролетарской революции: механизм национального разделения, социального стравливания и порабощения народа организованной преступной группировкой профессиональных революционеров.

В Начале было Слово. Это определяющий источник всего сущего, в том числе самого человека. Именно через слово самовыражается и самоопределяется сознание, как отдельного человека, так и всего народа. Словом формируются и выражаются нормы, ценности и святыни, хранится традиция и в значительной степени определяется жизнь и история народа.

В общественно-политической сфере это можно трактовать в том смысле, что кто определяет язык, вкладывает смысл в понятия, кто формирует культуру, в широком понимании, тот доминирует, управляет и даже властвует над народом. Из этого же источника проистекают ценности, смыслы, общепринятые правила и жизненные идеалы, как духовные, так и бытовые, материальные. То есть, кто владеет механизмом формирования сознания, а оно функционирует, в конечном счете, посредством слова, текста – тот владеет не только материальной стороной жизни, но и всем жизненным строем человека, народа, а в пределе, и всего человечества. В общем – определяет ход истории. Это, казалось бы, сугубо теоретическое рассуждение, в применении к тоталитарным системам власти имеет ключевое значение.

Другое важнейшее основание бытия народа – это традиция и историческая память, выражающие **национальное самосознание**, без которого невозможно воспроизводство и устойчивость религиозной, общественно-политической, хозяйственной, военной, культурной составляющей, как и самой государственности. Об этом очень жестко, но честно, сказал выдающийся русский общественный деятель **Петр Аркадьевич Столыпин**: *«Народ, не имеющий национального самосознания – есть навоз, на котором произрастают другие народы»*.⁽⁵⁸⁾



Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911), премьер-министр царской России, внук князя Горчакова по линии матери, главнокомандующего русской армией в годы Крымской войны. Пережил 10 покушений, был убит террористом Богровым во время 11-го в театре Киева в присутствии императора Николая II с семьей. Был похоронен в Киево-Печерской лавре

Перу философов, историков, политиков и деятелей культуры, в числе которых **Платон, М.Ломоносов, В.Ключевский, Л.Толстой, В.Васнецов** и других принадлежат многочисленные высказывания, смысл которых сводится к тому, что: *«Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего»* или *«Страна, забывшая свою культуру, историю, традицию и национальных героев – обречена на вымирание»*. Мудрость веков всегда предостерегала от судьбы пропавшего *«Ивана, не помнящего своего родства»*.

На этом фоне борьбы за слово, истину, историческую память и национальное самосознание, в истории народов прослеживается два активных и противоположных начала, – религиозное, традиционное и антирелигиозное, богоборческое, революционное. Антирелигиозное не только в смысле «против», но и в понимании «вместо». Наглядно данная противоположность выражает себя через Слово – рожденное на Небесах и слово, проистекающее из преисподней. Слово Священного Писания и слово революционных трактатов и планов богоборцев. В обоих случаях мы имеем совершенно противоположные ценности, смыслы, традицию и проистекающие из этих оснований национальное самосознание.

Священное Писание утверждает происхождение человека от Бога, сотворенность и сопричастность природы людей Создателю; материализм, революционные учения во всевозможных истолкованиях ведут происхождение рода людского от протоплазмы и обезьян...

Традиционные религии утверждают вечность и бессмертие души человека; материализм усмехается над этой истиной, провозглашая вечность исключительно закона смерти всего живого, тем самым обесмысливая бытие человека и человечества. Доказывая абсурдность попыток **Чарльза Дарвина** увязать свои эволюционные воззрения с максимумами религиозного сознания, философ **Владимир Соловьев** сформулировал афоризм, иронизируя над эволюционным учением о человеке: *«Человек произошел от обезьяны. Следовательно, мы должны любить друг друга»*.

Противоположность начала религиозного и революционного очевидна при рассмотрении принципов организации жизненного уклада народов. Например, Священное Писание говорит, *«плодитесь и размножайтесь и населяйте землю»* и что женщина будет *«спасаться через чадородие»*. Большевизм, как разновидность материалистического революционного духа, утверждает «эмансипацию», «освобождение» женщины, разрушает традиционную семью и общество, для чего впервые в мире легализует аборт, омыв Россию невинной кровью нескольких сотен миллионов младенцев.

Священное Писание и все мировые религии утверждают, что *«ребенок – это дар Божий»*; материализм-марксизм-большевизм-либерализм убаюкивает, что зачаток жизни, дарованный Творцом мужчине и женщине, является всего лишь неодушевленной органикой, «куском мяса», который можно удалить как прыщ.

Священное Писание в пятой заповеди провозглашает: *«Почитай отца твоего и мать, да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле»*. А что провозглашает марксизм в качестве идеального состояния коммунистического общества? Общность имущества, жен и детей, т.е. бесповоротное разрушение семейных уз, как «оков свободы человека», для чего мужчины и женщины должны были жить свальным грехом, а дети не могли узнать, кто их настоящий отец.

В традиционном обществе, вырастающем из религиозных норм, воспитание детей – главная забота родителей и семьи. В коммунистической марксистской док-

трине идеал – это воспитание детей государственной системой, когда сознание и душа ребенка фактически присваивается государством, беря ее под свой плотный воспитательный контроль с самых яслей. То, что бред Маркса, К.Цеткин, Р.Люксембург или Коллонтай о семье, родителях и детях в России не был воплощен в жизнь в полной мере – заслуга православной традиции, воспитавшей русский народ на основании других ценностей. В стране, где 85% населения составляли крестьяне, разворот коммунистической идеологии не мог сразу «овладеть массами».

Для традиционного религиозного сознания однополюсные отношения – это «мерзость пред Богом», что записано в Священном Писании, а люди, живущие в содомском грехе, прокляты. С точки зрения богоборческих воззрений на мир, содомия является всего лишь «свободным выбором» не отягощенного «религиозными предрассудками» свободного индивида. Не удивительно поэтому, что процент извращенцев в революционной среде всегда зашкаливал. Поскольку содомиты – это люди, запечатленные злом, то и все их идеалы, планы и деятельность, пропитаны разрушением, обманом и злодейством.

Религиозное сознание освящает семью, брак, деторождение, труд, воспитание в семье, что и создает единый народ, объединенный поколениями именно через духовное единство семейных уз. И собственность здесь играет важную роль, обеспечивающую естественную преемственность «от отца к сыну».

Революционные материалистические учения, реализуемые при социализме и либерализме, создают системы, в которых все материальные активы постепенно переподчиняются государственной номенклатуре или финансовой олигархии. Чтобы лишить человека свободы выбора – его обязательно нужно сделать материально зависимым от власти. Этим разными путями и занимались элиты на протяжении всего XX века.

Например, в СССР помимо того, что все средства производства и богатства страны принадлежали государству, так даже квартиры, дачи и служебные автомобили членов номенклатуры были в их распоряжении лишь до тех пор, пока они занимали высокие посты, и, разумеется, не могли передаваться по наследству. И простые граждане пользовались тем же самым жильем, в большинстве своем, не являясь **собственником**; в целом ряде случаев граждане совершенно спокойно могли быть лишены этого жилья.

Точно также и в либеральном проекте навязывается ранее разделение семьи с практически не пересекающимися материальными отношениями между родителями и детьми, а национальные богатства во все большей степени концентрируются в руках немногих избранных. В соответствии же с теорией марксизма, в идеале вся собственность вообще должна была изыматься государством у всех частных лиц, отменяя тем самым институт наследования родителей своим детям.

В предыдущей главе затрагивался вопрос обоснования тех прав властвования, которые «партия нового типа», под руководством В.Ленина, предьявляла на пролетариат или на рабочий класс в целом, якобы управляя от его имени, исключительно ради его же блага. По сути, весь марксизм-ленинизм теоретически базируется именно на своем, якобы неотъемлемом праве влиять, формировать и определять то, что является необходимым для рабочего класса, претендует на знание его истинных интересов и, на основании этого провозглашает свое монопольное право представительства интересов трудящихся масс города. Тем самым отказывая последним в **праве собственного выбора** своей судьбы, если таковая будет происходить в отрыве от политических установок этой партийной диктатуры.

Со временем стало ясно, что для эффективного осуществления манипуляционного воздействия необходимо очистить сознание испытуемого от всего, что соединяет его с преемственностью поколений, вычеркнув из сознания традицию, историю и религиозную веру, что позволяет манипуляторам превращать человека в послушную и безвольную марионетку внешних сил.

Именно этим и занималось большинство теоретиков разных революционных направлений. В Европе – это К.Маркс, Ф.Лассаль, К.Либкнехт, Р.Люксембург, К.Цеткин, К.Каутский, Э.Бернштейн и другие. В России же над этими задачами работали Ю.Дан, П.Аксельрод, Ю.Мартов (Цедербаум), В.Ленин, Л.Троцкий (Бронштейн), Я.Свердлов (Свердлин), Е.Зиновьев (Радомысльский), Б.Каменев (Розенфельд) и многие другие. После первого этапа, когда сознание человека очищено от «пут традиции», манипуляторы приступают ко второму этапу «работы с клиентом» – сознание которого необходимо заполнить новым, выгодным манипулятору, содержанием.

В XIX веке Марксом было разработано учение, отвечающее всем тогдашним, весьма посредственным, представлениям о научности и объективности, которое объединяло в один ком популярные философские, исторические, экономические и политические представления о мире, и заявляло о скорой неизбежности его революционного, т.е. насильственного, переустройства. На тот момент марксизм являлся наиболее перспективным оружием манипуляции массами.

Дело в том, что тексты всех марксистов, в той или иной степени, строятся на основе воздействия и управления сознанием, в сконцентрированном виде изложенных в книгах «иудейской мудрости», талмудическом и кабалистическом хранилище знаний. Другими словами, тексты теоретиков марксизма нередко несут в себе зашифрованные смыслы и всегда являются воплощением технологий работы с сознанием, которые сегодня изучаются, например, в рамках теорий нейро-лингвистического программирования (НЛП). В связи с этим тезисы, постулаты, законы, аксиомы, сопоставления и иные утверждения, проецируемые марксистским учением, необходимо «переводить» на язык общепринятого знания и практики, очищенный от магии двойных и тройных потайных исходных смыслов.

С точки зрения критики методологии, а не содержательных аспектов анализа текстов К.Маркса, в самом общем виде можно использовать аналогию между **теоретическим каркасом марксизма** и, например, **картами Таро**. Как известно, карты Таро состоят из карточек, каждая из которых имеет название и определенный смысл. Действующие лица карточной колоды позволяют организовывать сеансы гаданий, медитаций и прочих оккультных занятий, либо организовывать коллективные игровые манипуляции. Карты-символы Таро, такие как Шут, Маг, Жрица, Фортуна, Справедливость, Звезда, Суд, Мир, Император, Императрица, Отшельник и другие, позволяют организаторам-шулерам легко манипулировать непросвещенным обывателем, скармливая ему любые предсказания и образцы якобы необходимых «для послушника» действий.

Так вот марксизм – это полная аналогия принципов одурачивания с помощью карт Таро, только кропленная у каждого теоретика своими индивидуальными метками. Действующие лица марксистского оккультного пантеона таковы: Капитал, Прибавочная стоимость, Производственные силы и отношения, Товар, Базис, Надстройка, Эксплуатация, Классовая борьба, Революция. Колода марксистской диалектики включает в себя далее такие фетиши, как Революционная ситуация, Класс, Пролетариат, Диктатура пролетариата, Экспроприация, Коммунизм и далее по списку.

Именно этими, на самом деле вымышленными персонажами, переполнены страницы «Капитала», «Диалектики природы», «Анти-Дюринга», «Что делать?», «Вопросов ленинизма» и других многочисленных талмудов революционной псевдо-мудрости, произрастающей из древневосточной эзотерики.

История марксистской мысли – это пример бесконечного жонглирования понятиями, в каждое из которых, раскладывая эти карты в разных вариациях, вкладывался разный общественно-политический и экономический смысл. Возможность интерпретации понятия в отличных друг от друга оттенках и смыслах, открыло перед революционерами безграничные возможности наводнения сознания народов наукообразной казуистикой, позволяющей революционным теоретикам вертеть исходный категориальный каркас учения совершенно произвольно, в зависимости от партийной заинтересованности. А это один из базовых принципов осуществления **манипулирования**.

В разных странах, в разное время, в зависимости от разного исторического контекста, эти «неизменные», в рамках исходного марксизма понятия, на самом деле означали явления не одинаковые, не идентичные, а изменяющиеся во времени и по географии. Поэтому оркестры революции могли не стеснять себя в выборе инструментов и подборке звуков своих музыкальных партий. Они и не стеснялись.

Например, когда Советы, как новые органы власти, управлялись меньшевиками да эсерами, то В. Ленин не придавал особого значения этому организационному инструментарию в своей борьбе за власть. Но когда настроения изменились и большинство в Советах взяли большевики, тут Ильича осенила диалектика, он разглядел в Советах истинно народную форму организации власти и, подобно Архимеду, оравшему «Эврика!», сам картаво завопил: «Вся власть Советам!».

Тот же Ленин с Троцким махали флагами революции, жонглируя картами-символами, убеждая своих соратников в возможности восстания и построения социализма в России. Однако их оппоненты, что меньшевики в России, что социал-демократы в Европе, перебирая те же карты из той же марксистской колоды, утверждали совершенно противоположное. Маркс, Каутский, Бернштейн, Ленин, Троцкий и Сталин, к примеру, оперировали одними и теми же символическими формами-терминами и теориями, одними и теми же лживыми картами социальной революции и общественного прогресса, однако выводили из них противоположные по смыслу и несовместимые по практическим установкам программы, цели и способы действия.

Итак, каким же образом спаянная горстка хорошо организованных революционеров осуществляет манипуляцию сознанием большой группы людей, называемой классом? Не претендуя ни на какие обобщения, в виде одного из вариантов описания наиболее очевидных процессов манипуляции общественным сознанием, на примере коммунистического движения, можно сказать следующее.

Прежде всего делается ставка на **монопольное владение сознанием** пролетариата (рабочего класса) – как наиболее организованного и, на определенном этапе индустриального развития общества, самого массового объединения людей сходного профессионального, культурного положения и материального состояния.

С точки зрения борьбы за власть, жажды властвования как таковой, обращение к рабочему классу (или пролетариату) является не моральной, а инструментальной, технической составляющей. Капиталистическое общество, как правило, управляется старой дворянской аристократией и представителями крупных финансовых состояний и промышленных объединений – в разных соотношениях в разных странах.

Другие крупные социальные объединения, в принципе, делятся на три условные группы – техническая и культурная интеллигенция, разночинцы, духовенство, гражданские и военные служащие; промышленные рабочие; крестьянство.

С точки зрения индустриального развития XIX века наиболее обездоленными не только в материальном, но и в духовном смысле, являются именно пролетарии, даже не весь рабочий класс. Это неудачники в прямом смысле этого слова. Они, как правило, были вынуждены уйти из деревни, либо не смогли удержаться в том или ином городском сословии. Это самый озлобленный на весь мир, неудовлетворенный жизнью и склонный к мести и разрушительным формам поведения, социальный класс городских низов.

Улучшить социальное положение этого класса может только индустриальное развитие, что однозначно доказал минувший век. Ни забастовки, ни революции не могут улучшить социальное положение низов общества. Политическая и экономическая борьба имеет смысл и дает результаты только в случае эффективного экономического развития, обеспечиваемого научно-технической революцией, экономической конкуренцией, защитой частной собственности, то есть свободой предпринимательства. Разумеется, при участии в процессах этого развития государства, как гаранта и одновременно механизма нахождения компромисса между классами, что в XX столетии выразилось в создании многоукладных экономик.

Но в XIX веке все представлялось иначе. Маркс в своих прогнозах мог оказаться прав, если бы человеческое общество не реализовало на практике компромисс, сочетающий в себе государственную и частную собственность. Но этот выход был найден и прогнозы марксизма оказались не реализованными.

Так вот ленинизм как раз исходит из марксистских установок позапрошлого века, понимая, что из трех групп социальных классов, в качестве средства для захвата власти он может эффективно использовать только пролетариат. Важно понять, что партийный союз единомышленников, объединенный единством структуры, идеологии и, главное, цели, является таким же классом, или вернее – **зародышем нового класса или слоя**, как угодно, который желает именно **властвовать**, а не заниматься социально-политической благотворительностью. Е.Преображенский, когда рисует свои теоретические опусы того, как надо развивать экономику, действует не из интереса чистой науки, а вполне себе не бескорыстно.

Революционерам нужно не просто какое-то развитие общества вообще, чтобы утешить униженных и оскорбленных, накормить сирот и обеспечить нищих. Они, конечно, желают помочь нуждающимся, по крайней мере, на словах, но только исключительно в том случае, если эта помощь будет происходить при их властвовании и под их контролем. Именно их группировки, с ее структурой, уставом и правилами, распределением обязанностей и дележом добычи. Если людей может накормить и обеспечить кто-то другой и иным способом, – например, за счет научно-технического прогресса и повышения производительности труда, – то для этой революционной партии данный благодетель становится ненавистным конкурентом и смертельно опасным врагом.

Платные лакеи от исторического знания, книгами которых забиты все библиотеки и интернет ресурсы, совершенно сознательно выстраивали и выстраивают структуру исторического знания (вернее, ее видимость) так, чтобы главный вопрос о власти этого нового слоя, оставался бы в тени.

Теперь выделим узловые моменты методологии и практики большевистского захвата **сознания пролетариата**. Для этого обратимся к классическому положению

работы **В.Ленина «Что делать?»** (любовь к писателю Н.Чернышевскому) о партии нового типа и ее взаимоотношениях с пролетариатом. В своей объемной работе, написанной еще в 1902 году, Ленин постулирует предельно просто: У пролетариата **нет классового сознания**, поэтому требуется **«привнесение этого сознания» партией** (имеется в виду РСДРП), т.е. его авангардом. *«Классовое политическое сознание может быть принесено рабочему только извне, т.е. извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам».*

При переводе на общепринятый язык, утверждение В.Ленина означает, что рабочий класс, оказывается, не имеет сознания класса (это как?), то есть своей головы, следовательно, не обладает самосознанием и самостоятельностью. В юриспруденции ограничения существенных прав личности применяются к несовершеннолетним и душевно больным людям, которых ограничивают в дееспособности, назначая опекунов. Нечто подобное в отношении рабочего класса России и совершил товарищ Ленин. Он, возглавляя организованную группу людей (партию единомышленников, многие из которых были многократно судимы), провозгласил свои исключительные права на опекунов над неполноценной, с классовой и исторической точки зрения, группой промышленных пролетариев страны, самоназвавшись ее авангардом.

По этой логике пролетариат обязан стать инструментом в руках организованной партийной группы (*а партия – это значит часть*), которая и будет безраздельно господствовать над этим классом, навязывая последнему цели и способы их достижения. Ведь человек – это его сознание. Если сознание будет принесено от кого-то, то приносящий это сознание и будет управлять своим подчиненным, над которым взято социально-классовое опекуновство. Заявить, что у класса нет классового сознания и навязать ему свои цели, задачи и интересы, которое первый должен воспринимать не как чужое, а как свое собственное – это называется **обезглавить, лишить головы**. Взять человека, класс или весь народ под свой нераздельный контроль, то есть пленить, обратить в рабство.

Таким образом, сплоченная организованная группа из разношерстного сброда политических уголовников и отщепенцев (политическая ОПГ), объединенная общностью идеологии, структуры, вертикали управления и политической цели, берет под свой контроль самую организованную и достаточно многочисленную часть социума конца XIX – первой половины XX века, пролетариат или рабочий класс. Тем самым В.Ленин постулирует **монопольную власть над сознанием** большой группы людей, которая необходима его организованной группировке для реализации собственных планов захвата государственной власти.

В.Ленин обосновывает правильность своих требований к пролетариату тем, что экономическая борьба, которая только и доступна сознанию наемных рабочих, не может освободить их от гнета капитала. Переводя это на язык действительности, получается следующее. Если рабочий получает 20 тыс. и требует повышения заработной платы до 30-40 тыс. и так далее, что как раз и обеспечивает повышение его благосостояния, и эти требования постепенно реализуются на практике, то, с точки зрения В.Ленина – это **неправильное сознание**. Оно способно, с точки зрения революционера, гарантировать только вечное рабство, поэтому такое поведение рабочих не только бесполезно, но и опасно. Это все ревизионизм, оппортунизм, экономизм и прочие ереси относительно правильного ведения классовых битв. Для коммунистической революции рабочие, ведущие борьбу исключительно за свои экономические интересы, являются «неправильными пчелами, которые делают неправильный мед».

Почему? Потому что при подобном развитии событий благосостояние рабочего постепенно повышается, как это продемонстрировал XX век, но одновременно партия нового типа становится никому не нужной и со временем вынуждена раствориться в неизвестности.

В случае же выдвижения на передний край требований политических, которые соратники Ильича из партии нового типа с удовольствием загрузят в головы «революционного мяса», может так случиться, что удастся, например, возглавить правительство, захватив своей организованной группой государственный аппарат подавления – а потом попробуйте этих ребят оттуда снять.

То есть все эти танцы насчет «правильного классового сознания» и всевозможных неправильных оппортунистических его проявлений в истории классовой борьбы – это стеклянные бусы, за которые колонизаторы забирали у индейцев золото, а революционеры в России – души и жизни всех классов и сословий.

Многие сегодня скажут, что В. Ленин – это одно. А вот И. Сталин – это совсем другое. Кому интересен этот вопрос – тот может заняться мучительным изучением нудных сталинских текстов. Здесь же сошлемся на его известное высказывание, которое, в принципе, ничем не отличается от того понимания избранности и необходимости диктаторского положения большевистской партии, по отношению, в данном случае, не к пролетариату, а к институту Советской власти. Большой разницы здесь нет.

Из статьи «О политической стратегии и тактике русских коммунистов»:

«... 7) Компартия, как своего рода **орден меченосцев**, внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Значение **старой гвардии** внутри этого могучего ордена. Пополнение старой гвардии закалившихся за последние 3-4 года работниками».⁽⁵⁹⁾

Что это – стилизация под романтику средневековья или приобщённость к реальным орденским структурам, так отцветенная на бумаге? А может быть просто установка сознания Сталина, его личное понимание, видение сути аппарата власти, как избранного, просвещенного и посвященного меньшинства, владеющего сакральными знаниями и обладающего скрытыми от масс неограниченными возможностями карать или милловать, организационно и мистически подчинять себе непосвящённое большинство? Такой осовремененный аналог, как бы калька, с орденов средневековья? Ведь аналогии напрашиваются сами собой. Закрытая, недоступная даже большинству членов партии властная пирамида. Великий магистр во главе. Ареопаг ближнего круга посвященных (старая гвардия или ее остатки...). Тайно действующий карающий меч и безграничная власть над всеми остальными структурами, на что указывает эта дописка про контроль аппаратом коммунистов над Советами, управление государством изнутри, фактически из-за кулис, определение духа Советской власти, а значит ее сущности. И это при том, что по конституции высшая власть в СССР принадлежала Советам, избираемым народом, а вовсе не ВКП (б) и уж тем более не какой-то внутренней ее части, ордену меченосцев (Политбюро, ОГПУ или дивизии автоматчиков...).

Подобные рассуждения вовсе не являются вольным теоретизированием. Вспомните слова Сталина на ленинский призыв в его статье «Как нам реорганизовать Рабкрин?» о введении в центральные органы управления партией рабочих и крестьян. И как на это публично отреагировал Сталин, посмеявшись над этой идеей, как утопической и неосуществимой – мол, легче Буденному... и так далее. Не найдете, говорит Сталин, и 2-3 дельных людей из простого народа, которые могли бы что-то понимать в той деятельности, которую мы, избранные, совершаем на вершине власти.

По своему, Сталин последовательнее Ленина: если пролетариат не обладает самосознанием и так далее, как утверждает ленинское учение о рабочем классе, тогда пролетариат, действительно, не в состоянии входить в органы высшего управления государства «диктатуры пролетариата». Какой толк вводить туда людей, не имеющих политического самосознания?

С другой стороны, в исполнении генерального секретаря РКП того времени мы имеем образец классического **макиавеллизма** Нового времени. В этом смысле И.Сталин действительно предстает величественным человеком европейского средневековья в его духовном, культурном и политическом отношении, когда **коварство и расправа есть обыденность**. Это крупнейший политический деятель своего времени, но человек, ментальность которого определяется принципами Варфоломеевской ночи и Тридцатилетней войны, разграбления крестоносцами Константинополя и кострами инквизиции, огораживаний в Англии и истребления индейцев Кортесом, непрекращающимися интригами и беспощадной борьбой времен Медичей и Борджиев.

Сталкивание конкурентов и последующая расправа над бывшими соратниками по партии, подавление любого инакомыслия, истребление крепкого крестьянства, разгром православной церкви и маниакальное стремление построения коммунистического рая на земле, – все эти действия Сталина имеют поразительное сходство и исторические параллели с жестокими нравами и атмосферой европейского средневековья.

Ну, разумеется, при желании можно разглядеть в нем и сердобольного отца народов, бесребреника, защищавшего нерадивых подданных от темных сил, для чего и потребовалось выпотрошить миллионные массы этого самого народа.

В любом случае, между ленинскими и сталинскими формулировками нет никакого принципиального отличия в понимании партии как организации, монополично управляющей государством и стоящей над народом. Совершенно закономерным шагом большевиков по **захвату будущего**, является отмена преподавания истории, которую осуществили коммунисты сразу же после прихода к власти. Так, в 1918г. Наркомат Просвещения РСФСР отменил преподавание истории в школах. Добавим сюда изъятие из библиотек и закрытие в спецхраны огромного числа книг, дающих представление об истории России. Приплюсуем уничтожение, высылку и вынужденную эмиграцию представителей значительной части образованного класса. И получим панораму реализации **грандиозного проекта лишения народа своей исторической памяти**, как необходимого элемента всестороннего реформирования сознания живущих тогда, так и будущих поколений советских людей.

Не сложно представить, что сознание родившегося, например, в 1910-1915гг. человека, в смысле преемственности исторической традиции, уже к середине 1930-х годов представляло практически чистый лист, на котором можно было писать практически все, что угодно. Видимо поэтому значительная часть 20-25 летней комсомольской молодежи активно учувствовала в проводимых властью многочисленных преступлениях в отношении деревни, Церкви и интеллигенции, на которые более взрослое поколение, по своим мировоззренческим установкам, было не готово. И, может быть не совсем случайно, что именно первое послереволюционное поколение почти в полном составе было выкошено уже в начальный период Великой Отечественной войны.

Это необходимо учитывать, чтобы не утонуть в океане советской пропагандистской историографии, которая намеренно искажала события, протекавшие в 1920-

е годы, высасывая из пальца якобы присущую русскому народу «революционность масс» и преданность идеалам большевистской диктатуры. Отдельные, локальные настроения и результат идеологического воздействия, прежде всего на молодежь, которую взяла в оборот новая власть, представлялись как глубинные ценности и чуть ли не всеобщие настроения людей. Например, **Ф.Раззаков**, очень трепетно относящийся ко всему советскому и сталинскому, тем не менее, так описывает послереволюционные годы:

«Обыкновенно замалчивается факт, что «Броненосец Потемкин» у нас никакого успеха не имел. Зал премьеры более, чем наполовину пуст. Предыдущая и очень хорошая картина Эйзенштейна «Октябрь» провалилась повсюду, в том числе в рабочих кварталах. Изумительная «Мать» Пудовкина, настоящий шедевр русского кинематографа, прошла в Москве очень тускло...».⁽⁶⁰⁾

Но Ф.Раззаков продолжает: «В том же 1929г. социологи провели опросы в молодежной среде, которые выявили удручающую, с точки зрения идеологов, картину: всего 0,6% юношей и 1,5% девушек мечтали подражать героям революции. При этом многие подростки мечтали стать кем угодно – учителем (10,4%), конторщиком (8,9%), инженером (5,6%), а также княгиней, дворянкой, богачом и даже попом, **но только не коммунистом** (2,2%), политическим деятелем (1,1%) или **комиссаром** (0,3%). Еще меньше людей хотели стать военными, милиционерами. В итоге власть пришла к выводу, что вся идеологическая система нуждается в кардинальных изменениях. Под эти изменения, естественно, подпадало и «важнейшее из искусств» – кинематограф».⁽⁶¹⁾

Кинокритик приветствует тот факт, что начавшееся вскоре производство фильмов, начиная с «Чапаева», идеализировали коммунистические ценности и формировали совершенно новый исторический тип «советского человека», общественного, активного, готового к самопожертвованию ради идеологических установок и т.д. И совершенно не обращает внимания на то, что в этом и заключался процесс уже не просто манипулирования, а **осознанного перекодирования сознания народа**. Пусть и ради прагматичных целей и возвышенных, с точки зрения коммунистической элиты, идеалов самоотречения, приоритета общегосударственного начала и объединения народа в этом искусственном социальном процессе.

Ведь в основании всей этой программы «построения нового мира» и создания «нового человека» лежали совершенно ложные, сознательно искаженные представления о нашей истории, вере, традиции, самых основаниях хозяйственной жизни, нравственности и всего жизнеустройства русского человека. И совершенно фантастические, выдуманные идеологическими шарлатанами представления о революционной элите, героизации жестокости и расправ, прикрытие лжи и обмана реальных действий большевиков до революции, в ходе нее и после, в ходе гражданской войны. И все это под прикрытием демагогических лозунгов и совершенно не реализуемых на практике обещаний будущего. Очень характерное убеждение сталинистов о том (а Ф.Раззаков убежденный сторонник И.Сталина), что важна идеологическая обертка, а не реальная ткань жизни. Ткань всегда можно скорёжить ради пропагандистской шумихи и политпросветительского пустозвонства.

В расчете на заполнение сознания детей «новыми смыслами» произошел и возврат преподавания истории в школу, который берет отсчет после постановления ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934г. «*О преподавании гражданской истории в школах Союза ССР*». Однако подрастающему поколению полагалось изучать уже совсем другую

историю, нежели она была в действительности, принципиальной задачей которой было очернение или замалчивание прошлого народа. Для этого были изъяты национальные святые, мыслители, зодчие, герои и гении; а все многообразие духовной, культурной, военной и материальной жизни исторической России было сведено к куцым и лживым построениям, обосновывающим догмы философии марксизма-ленинизма и классовых бредней исторического материализма.

В 1938г. был опубликован «*Краткий курс истории ВКП (б)*» И.Сталина, который сам является наглядным пособием по теме манипуляционных технологий. «Кратким курсом» был сформулирован догматический канон и заданы теоретические рамки для описания недавнего прошлого, настоящего и сформулированы целеполагания будущего Советского государства.

У многих возникает резонный вопрос: почему сегодня такое значительное число представителей гуманитарной сферы, прежде всего историков, оправдывает коммунистическую систему власти? Ведь они не могут не знать о ее садизме и массовых убийствах людей по совершенно абсурдным поводам и погрома всего, что могло напоминать человеку об имперском историческом прошлом России. Почему же мы наблюдаем такое странное явление?

Выскажем простое, и даже бытовое предположение на этот счет. Дело в том, что коммунистическая система монопольного государственного управления построена на непрекращающемся «промывании мозгов» всем слоям общества во всех поколениях, т.е. массированному манипулированию сознанием народа в советском государстве придавалось первостепенное значение. Иначе эта система была совершенно недееспособной и не могла функционировать. А для этого требуются кадры, которым за подобную работу власть всегда хорошо платила, – по советским, разумеется, меркам. По крайней мере, гораздо лучше, чем простым рабочим и крестьянам, инженерам и врачам, которым, в отличие от советских деятелей гуманитарного разговорного жанра, приходилось работать действительно в тяжелых и грязных условиях советской организации производства, как на фабриках и заводах, так тем более в сельском хозяйстве.

При этом советские гуманитарии, очень часто – это люди, начисто лишенные способностей к самостоятельной предпринимательской работе или получению инженерного образования для научной или сложной производственной деятельности. Иначе они не становились бы гуманитариями. В таком случае остается не так уж много вариантов для выстраивания карьеры. Поскольку пробиться в номенклатуру могут очень не многие, а чего-то серьезного добиться своими талантами в научно-технической и производственной сферах, из-за сложности этой работы – при отсутствии желания и необходимых талантов – тоже весьма проблематично, то остается поприще обычных тружеников – или выбор места в идеологической системе той или иной гуманитарной сферы. Требования к гуманитарному образованию в СССР были, за исключением очень небольшого числа ВУЗов, весьма посредственные, поэтому получить образование в них было не так сложно. Поэтому выходцы с многочисленных гуманитарных факультетов легко находили себе если уж не престижные, то все-таки более-менее обеспеченные места работы, вознаграждение на которых, как ранее уже говорилось, было лучше, чем аналогичное обеспечение простых тружеников страны.

В подобной ситуации уравнительная система, которая позволяет, особо не напрягаясь, достигать среднего уровня материальной обеспеченности, формирует определенное охранительное мировоззрение – как в отношении этой системы, так

и обоснования своего собственного места в ней. Социалистические принципы дают гарантированный объем благ людям, которые своим собственным трудом эти блага заработать не могут. Уравнительная социалистическая система постоянно держала большую часть народа в «черном теле», в том числе и наиболее работоспособную ее часть, препятствуя расслоению в материальном отношении. Но при этом власть возвышала нужные государству в идеологическом отношении посредственности до среднего социального статуса и давала средний же уровень обеспеченности этому классу людей – что отвечает психологическим запросам и материальным интересам значительной части гуманитарного слоя, по крайней мере, достаточно большому числу ее представителей.

Безусловно, в данной сфере есть и люди очевидно талантливые, которых, по всей видимости, обеспеченность среднего уровня потребления освобождает от «борьбы за средства существования», давая возможность сконцентрироваться на любимом деле. И это также может заслонять все остальные морально-нравственные аспекты той системы, которой подобные гуманитарные работники соглашались служить.

Эта проблема выпукло проявляется в **современном священстве**, когда большинство батюшек в РПЦ прекрасно понимают, что творит существующая властная иерархия, но отказываются называть вещи своими именами и как-то противостоять злу, обману и искажению вероучительных основ православной веры. И обосновывают свою позицию тем, что им нужно кормить семьи, а в случае исповедания веры и противостояния ересям, искажениям и кощунствам, они лишатся сана, а с ним и доходов. Поскольку же в большинстве своем современные священники не имеют иной профессии, либо потеряли ее за время служения, – то в обмен на хлеб они уже сегодня закрывают глаза на деяния, которые по канонам и догматам христианства совершенно недопустимы. И не испытывают дефицита в вариантах обоснования своих действий или бездействия.

Нечто подобное происходит и в сфере гуманитарного профессионального сословия, когда этот мир диктует людям свои правила жизни. Люди одаренные, образованные, волевые и самостоятельные, крайне редко отдают предпочтение системе, где все уравнивается, обставляется системой бессмысленных запретов и требует строгого соблюдения давно отживших догм и ритуалов. То есть социализм привлекает, чаще всего, средне одаренных, не самостоятельных людей, склонных к конформизму. Имеющиеся же исключения, очень часто, демонстрируют людей, которые делают акцент на осознанной научно-административной или политической карьере в этой системе.

Ясно, что данная точка зрения никому не понравится, мягко говоря. Однако для подобных предположений и выводов есть масса эмпирических духовно-психологических наблюдений за особенностями поведения людей гуманитарного сообщества, даже сегодня придерживающихся просоветских и неосталинских убеждений.

Соответственно, учебники, которые создавали конформистские советские историки, описывали некую выдуманную виртуальную реальность, под которую подгонялись отдельные исторические факты. В строгом соответствии с распоряжениями начальства. Революционеры в них изображались не как монстры, для которых не было ничего святого и которые ради достижения власти готовы были совершать любые злодеяния, – а как проповедники свободы, равенства и братства народов, упразднения эксплуатации и социальной несправедливости в интересах угнетенных масс и т.д. В итоге целые талмуды советской историографии тщательно скрывали

от порабощенного сознания народа, что если революционеру не светит никакая власть, ни при каких обстоятельствах – тогда плевать ему на всех гонимых и обездоленных. Это доказывается очень просто. Когда революция никак не наступает, а революционер, презренным ли соглашательством, порочным оппортунизмом или прочим ренегатством, заполучает нормальное место, «выбивается в люди» – тогда подавляющее большинство радетелей за социальную справедливость теряет интерес к революционной борьбе, озадачиваясь более приземленными меркантильными заботами.

В известном кинофильме говорится: «Есть такая профессия – Родину защищать», – это профессия офицера, военного. Понятно, что есть профессия лечить и учить людей – врача и учителя. Есть профессии – растить хлеб, строить жилье, делать машины, открывать законы природы – на свете много разных созидательных профессий. А есть профессия революционера, работой которого является разрушение и революция ради достижения власти, а при неудаче – вечное изгнание. Люди всех профессий боятся ненужности и безработицы. Боятся ее и профессиональный революционер. Не будет в мире революций – станет не нужной и его профессия. Как обеспечить свою жизнь тогда со всеми навыками и привычками, бесполезными в нормальной жизни?

Поэтому все дискуссии марксистов, принадлежащих к разным партиям и странам, сводятся, в принципе, к следующему вопросу: уже пора валить действующую власть? Или валить надо из этой страны? Уже можно приступать к потрошению имущих слоев народа – или еще не время, ибо могут, ненароком, выпотрошить самих революционеров?

Вся дальнейшая борьба между большевиками и меньшевиками, Бундом, «Поа-лей Ционом» (Рабочие Сиона) и эсерами, анархистами и трудовиками в России, как и коммунистами и социал-демократами в Германии, все эти ярлыки ренегатства и оппортунизма, «детской болезни левизны», правых и левых уклонов; спор ортодоксального марксизма с творческим ленинизмом, троцкизма с единственно верным сталинизмом в придачу, – все это революционное бурление, вместе взятое, можно передать одним элементарным возмущенным и завистливым воплем:

– Вы, там в своей Германии, Англии, Франции, да еще и, не к полуночи будет упомянуто, в США, хорошо обустроились! Сидите, все такие респектабельные, в своих буржуазных парламентах, кушаете сладко, да говорите звонко. Вы можете рассуждать о том, время уже для революции, или пока рановато... А нам какво? Вот очухаются власти от наших планов – и могут запросто за это повесить! Не успеем прорвать «самое слабое звено в цепи империалистических государств» – значит, разовьется капитализм, да не дай Бог такой же успешный, как в США. И тогда не видать нам власти, как собственных ушей! Народ у нас в России необразованный, темный. За кадетами всякими может пойти. Не убедят толстосумы – так эсеры какие-нибудь точно власть перехватят. А нам, пролетариев обхаживающих уже два десятка лет, куда тогда податься? Так что будем крепить ряды и выше поднимать наше масонское, ой, то есть пролетарское знамя борьба за народное дело.

Можно перевести эту серую прозу жизни и на более респектабельный политологический язык, и тогда то же самое будет изображаться в терминах «революционная ситуация», «классовая солидарность», «диктатура пролетариата», «прибавочная стоимость», «экспроприация экспроприаторов», «террор, как революционная диктатура, не ограниченная законом» и прочее.

Но сущностные основания этих манипуляционно-лингвистических медитаций одинаковы: как чужими руками загрести каштаны из огня? Как суметь взять власть в свои руки и за счет государственного аппарата принуждения, прочно закрепить за собой?

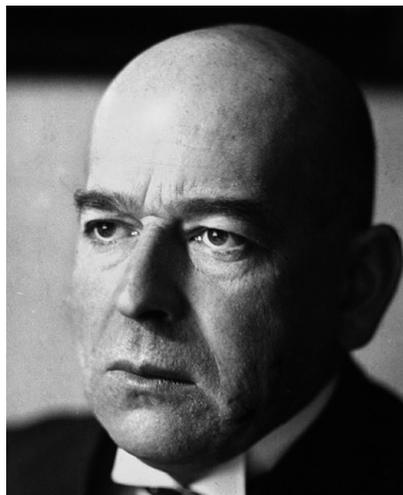
Западные социал-демократические, коммунистические и социалистические партии ушедшего столетия, а также их аналоги в наше время в России, дают на этот счет просто бесконечный ряд фактов и примеров. Так что у революционеров есть два основных пути – либо взятие власти, либо участие в той власти, которую взять невозможно, если в эту власть милостиво возьмут. Либо прозябать в неопределенном подвешенном состоянии.

Рождая свой революционный катехизис, К.Маркс применил известную «пятичленку», т.е. гипотезу о существовании пяти общественно-экономических формаций, поэтапно сменяющих друг друга. Эта весьма условная схема, которая, в лучшем случае, могла помочь как-то идентифицировать исторические эпохи, отделить одни пласты событий во времени – от других, как-то систематизировать, оформить эмпирический материал (настоящая мания немецкого все классифицирующего ума), была канонизирована, как единственно верная картина мирового исторического процесса на все времена и у всех народов.

Материалистическая концепция общественно-исторических формаций предполагала, что человечество поступательно проходит этапы развития, каждый из которых обусловлен уровнем развития производительных сил и классовой борьбой – первобытно-общинный, затем рабовладельческий, потом феодальный и, наконец, капиталистический строй. И затем заключил – что после капитализма, с неизбежностью математической аксиомы, настанет коммунизм, с первой подготовительной стадией социализмом.

Доказательству, равно как и опровержению, теоретические построения **«Капитала» К.Маркса**, **«Заката Европы» О.Шпенглера**, **«Осевого времени» К.Ясперса**, **«Конца истории» Ф.Фукуямы** или **«Трансгуманистического человечества» К.Шваба** и иных современных сектантов цифрового общества – не подлежат по определению. Вся эта концептуалистика – всего лишь предположение, гипотеза, прогноз, мечта в конце концов. Никакой научной достоверности, в смысле ее всеобщности и неизбежности, в данных концепциях, разумеется нет и в принципе быть не может. Но из этого *воображаемого горизонта будущего*, мечты, следовали не просто манипуляционные практики воздействия на сознание существующих людей, приведения их «в соответствие» с этими грезами и мечтами, а беспощадно проводилось переформатирование социальных, политических, экономических и иных отношений в социуме. Если говорить проще, то вместо «воспитания и убеждения» на основании данных умозрительных концепций, людей «ломали через колено» и просто убивали.

После принятия адептами марксизма положения о неизбежности коммунистической революции, а как иначе, если формационная теория – верна, а хронологически



Освальд Шпенглер (1880-1936) – немецкий философ и историк, автор книги «Закат Европы»

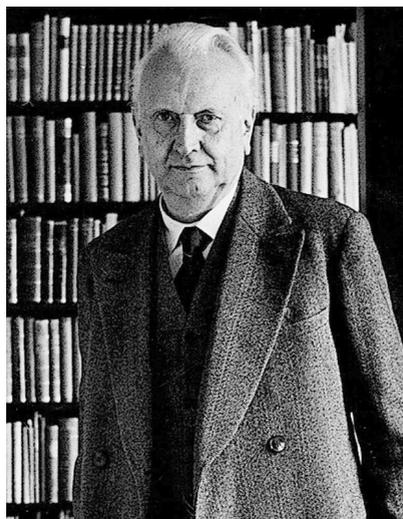
после капитализма там значится социализм – настал момент *«не просто объяснять мир, а его изменять»*.

Однако шествие марксистской философии по миру нельзя было назвать гладким. Те индустриально развитые страны XIX века, которые как раз и должны были стать авангардом социализма – прежде всего Англия и США – ни о какой революции и слышать не желали. Развивали промышленность, торговлю, науку, да на базе своего технического превосходства захватывали ресурсы мира, где что могли урвать.

Даже в профессорской среде классического марксизма, в Германии, дела пошли странно. Правда, некоторые основания для этого подготовил сам старик Маркс. Завершая свою необъятную библиотеку будущей победы пролетариата во всем мире, он все-таки оставил щелочку для сомнения, сказав, что *«социальная революция неизбежна, если капитализм не сумеет разрешить и преодолеть своими собственными силами, непреодолимые антагонистические противоречия между трудом и капиталом»*. Но, поскольку вся совокупность марксовской теоретистики глаголила, что неразрешимый антагонизм разрешиться своими силами не может, на то он и неразрешимый, то все профессора гуманитарных наук выдохнули – и продолжили спокойно насыщать поколения студентов и рабочих этим коммунистическим варевом.

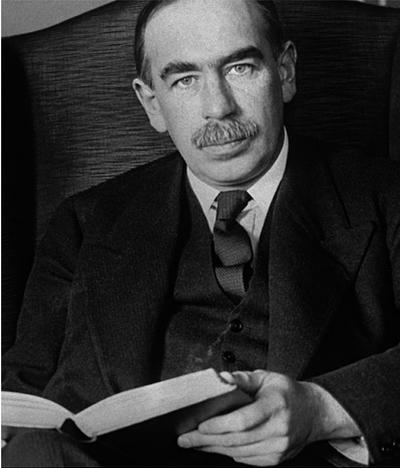
Тут неожиданно возникла очередная проблема. Видный теоретик прекрасного будущего человечества, **Э.Бернштейн**, видя непрекращающуюся борьбу всех против всех в германском социал-демократическом бомонде, заявил, что *«цель – ничто, движение – все»*. То есть, Э.Бернштейн как бы успокаивал своих суетливых соратников, которые все никак не наблюдали на горизонтах своих политических карьер зари нового мира. Мол, раз коммунизм неизбежен (ведь после капитализма наступает социализм, а затем, разумеется, коммунизм, как мы это помним), то безразлично, в каких формах конкретной политической борьбы, какими именно силами политического революционного спектра эта революция, в конце концов, победит. Он как бы говорил своим соратникам, что зачем ругаться и драться, если коммунизм неизбежен!

Теоретическая новация, разумеется, была замечена, но у большей части профессиональных захватчиков власти, признания не получила. Объективные законы истории – они, конечно, объективны, а К.Маркс великий пророк обездоленного человечества и все такое прочее. Но в своем подсознании вся эта плеяда выдающихся деятелей все-таки осознавала, что если систематически не обрабатывать сознание народа в нужном направлении, не внедрять в головы подопечных масс «классовой сознательности», «революционной бдительности», «опасности ревизионизма» и «порочности акцента только на экономических требованиях» – то могут найтись другие, более подвижные ребята. И можно, очень даже неизбежно и объективно, пролететь мимо кассы!



Карл Ясперс (1883-1969) – немецкий философ экзистенциалист, автор книги «Смысл и назначение истории»

В итоге дискуссии насчет построения социализма на **пути реформирования** действующей социальной системы или **революционного слома** имеющегося государственного механизма управления, разгорелись не на шутку. Еще живой Ф.Энгельс пишет письма К.Каутскому, тот ему оппонирует. Социал-демократы в России раскалываются на большевиков и меньшевиков. А несколько позже целая плеяда



Джон Кейнс (1883-1946), английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической науке, автор книги «Общая теория занятости, процента и денег»



Вильфредо Парето (1848-1923) – итальянский экономист и социолог, основоположник теории элит, автор «Закона Парето»

представителей разных гуманитарных наук, такие как В.Парето, А.Грамши, Р.Михельс, М.Вебер, В.Зомбарт, Д.Кейнс, Бем-Баверк, Питирим Сорокин и многие другие, весьма убедительно описали совершенно не предусмотренные марксистским учением варианты исторических преобразований общества, причем без кровавых революционных жертвоприношений. Оказалось, что для решения экономических, социально-политических и прочих проблем современного общества, – эти формы массового экзальтированного насилия **не нужны**. Как нет никакой нужды и в монопольной власти любой самой «правильной» политической партии любого типа.

Так, отец экспериментальной психосоциологии **В.Парето**, внедривший в нее математические и статистические методы, весьма аргументированно стал относить к элите тех, кто достиг максимальных результатов, каждый в своей профессиональной сфере деятельности, складывающихся в силу естественного неравенства и способностей людей. Теория «циркуляции элит» ставила монопольные политические системы в неловкое положение, так как обосновывала неизбежность того, что меньшинство (элита) всегда обманывает массы, чтобы прийти и удерживаться у власти.

Убежденный итальянский марксист **А.Грамши**, давший свой вариант теории гегемонии, убеждал, что вопреки механистическим представлениям марксизма, редуцирующим общественные явления к собственности на средства производства, жизнеспособность буржуазной системы, основана не только лишь на материальных, но и на идеологических (культурных и интеллектуальных) факторах. А гегемония проявляется не в диктатуре, а на доминировании и идеологическом лидерстве, осуществляющихся посредством институтов гражданского общества. В своей статье **«Революция против «Капитала»** (декабрь 1917г.), которая по цензурным соображениям в СССР не публиковалась, А.Грамши писал, что большеви-

ки осуществили Октябрьскую революцию **вопреки марксистской теории**, но это было их главным достижением.

Социолог **Р.Михельс**, тот вообще, почти с математической точностью вывел «железный закон олигархических тенденций». Он утверждал, что в условиях западной выборной демократии высшая партийная бюрократия, оформившись в отдельную властную группировку, начинает решать свои собственные проблемы. Тем самым оставляя в недоуменной позе не только своих рядовых партийцев, но и удивленных избирателей, столько времени с надеждой взирающих на всех этих ораторов, клянувшихся ему, избирателю, в гарантиях наибольшего благоприятствования во всех общественно-политических перипетиях современности. Что уж говорить о политических системах коммунистического типа, где народ вообще никто? Потому его никогда ни о чем и не спрашивают.

Другими словами, развитие гуманитарного знания не оставляло шансов какому-либо революционному учению присваивать себе монополию на обладание истиной. И традиционный марксизм, ставший сразу таким архаичным и отсталым, поплыл в своих политологических, социологических и экономических основаниях. Те три составные части, породившие учение Маркса, из которых он черпал аргументы для своего теоретического конструирования, в результате развития гуманитарного знания и естественной эволюции общественно-политических и экономических систем в Европе и США, благополучно его детище и похоронили. Разумеется, происходящая эволюция представлений не оставила камня на камне и на учении Ленина о партии нового типа (авангарде пролетариата) и монополии отдельной партийной группировки над трудящимися массами. О «демократичности» закрытого ордена меченосцев, которому так симпатизировал Сталин, тем более не могло быть и речи.

Когда в строй вступила **Р.Люксембург**, со своими рассуждениями о перспективах революции, навеянными дискуссией с **Э.Бернштейном**, то многим стало вовсе не по себе. В изданной в 1899г. в Лейпциге работе **«Социальная реформа или революция?»** Р.Люксембург сформулировала теоретическую суть проблемы марксизма и революции (вернее, изложила соответствующие утверждения Бернштейна), которая уже в 1899 (!!!) году стала вполне очевидной любому вменяемому человеку:

«По мнению Бернштейна, **общее крушение капитализма, по мере развития последнего, становится все менее вероятным, т.к. капиталистическая система с каждым днем проявляет все большую способность приспособления**, а производство постоянно все больше дифференцируется. Приспособляемость капитализма выражается, по мнению Бернштейна, во-первых, в исчезновении общих кризисов, что обуславливается развитием кредитной системы, предпринимательских организаций, транспорта и связи; во-вторых, в устойчивости среднего сословия вследствие постоянной дифференциации отраслей производства и перехода широких слоев пролетариата в среднее сословие и, наконец, в-третьих, приспособляемость эта выражается в улучшении экономического и политического положения пролетариата как результате профсоюзной борьбы.

Отсюда для практической борьбы социал-демократии вытекает общее указание, что ее деятельность должна быть направлена не на захват политической власти в государстве, а на улучшение положения рабочего класса и на **введении социализма не в результате социального и политического кризиса, а путем постепенного осуществления кооперативных принципов.**

Сам Бернштейн не видит ничего нового в своих рассуждениях, и полагает даже, что они совпадают как с отдельными заявлениями Маркса и Энгельса, так и с общим направлением деятельности социал-демократии до самого последнего времени. Однако, на наш взгляд, трудно отрицать, что взгляды Бернштейна фактически находятся в коренном противоречии со всем ходом мысли научного социализма.

...Бернштейн подвергает сомнению не темпы развития, а сам ход развития капиталистического общества и в связи с этим переход к социалистическому строю...

Научное обоснование социализма опирается, как известно, на *три* следствия капиталистического развития: прежде всего, на усиливающуюся **анархию** капиталистического хозяйства, которая делает его гибель неизбежной; во-вторых, на растущее **обобществление** производственного процесса, которое создает положительные отправные точки для будущего социалистического строя, и, в-третьих, на растущие **организацию** и **классовое сознание** пролетариата, образующего активный фактор предстоящего переворота.

Бернштейн отвергает первый из названных устоев научного социализма. Он утверждает, что капиталистическое развитие не идет навстречу всеобщему экономическому краху. При этом он не оспаривает не только определенную форму гибели капиталистического строя, но и самую возможность его гибели. Он решительно заявляет: «Можно было бы возразить, что когда говорят о крушении современного общества, то имеют при этом в виду больше, чем всеобщий и превосходящий прежние своей силой экономический кризис, а именно – полное крушение капиталистической системы вследствие ее собственных противоречий». И он отвечает на это: «*Приблизительно одновременное полное крушение современной системы производства становится с дальнейшим развитием общества не более, а менее вероятным, так как это развитие увеличивает, с одной стороны, приспособляемость индустрии, а вместе с тем усиливает ее дифференциацию*».

Но в таком случае возникает важный вопрос: почему и каким образом, мы вообще достигнем конечной цели наших стремлений? С точки зрения научного социализма историческая необходимость социалистического переворота выражается прежде всего в возрастающей анархии капиталистической системы, которая толкает капитализм в безвыходный тупик. Но если согласиться с Бернштейном, что **капиталистическое развитие не находится на пути собственной гибели**, тогда социализм перестает быть **объективно необходимым**.

...В чем заключается значение явлений, именуемых Бернштейном средствами приспособления капитализма: картелей, кредита, усовершенствования средств общения, подъем благосостояния рабочего класса и т.д.? В том, конечно, что они устраняют противоречия капиталистического хозяйства, мешают их развитию и обострению. Так, устройство кризисов означает уничтожение противоречия между производством и обменом на базе капитализма, улучшение положения рабочего класса, как такового, и, отчасти, перехода его в среднее сословие означают **притупление противоречия между трудом и капиталом**. Итак, раз картели, кредитная система, профессиональные союзы и т.д. уничтожают капиталистические противоречия и, следовательно, спасают капиталистическую систему от окончательной гибели и сохраняют капитализм (поэтому Бернштейн и называет их «средствами приспособления»), – как же они могут в то же самое время представлять собою «предпосылки и даже исходные пункты социализма»? Очевидно, лишь в том смысле, что они содействуют более ясному проявлению общественного характера производства. Но, поскольку

ку они сохраняют его капиталистическую форму, постольку они **делают излишним переход этого общественного производства в социалистическую форму**. Поэтому они могут служить исходным пунктом и предпосылками социалистического строя только в понятийном, а не в историческом смысле, т.е. это такие явления, о которых мы *знаем* на основании нашего представления о социализме, что они родственны последнему, но которые фактически не только не могут повлечь за собой социалистического переворота, а скорее **делают его излишним**. Таким образом, в качестве обоснования социализма остается только классовое сознание пролетариата. Но и оно в данном случае не просто духовное отражение все более обостряющихся противоречий капитализма и его предстоящей гибели – ведь эта последняя предотвращается средствами приспособления, – а всего лишь идеал, притягательная сила которого покоится на его собственных, ему приписанных совершенствах.

..Ревизионистская теория [то есть теория Бернштейна] стоит перед дилеммой. Или социалистический переворот по-прежнему вытекает из внутренних противоречий капиталистического строя, – тогда вместе с этим строем развиваются и его противоречия, и результатом их будет в свое время крушение его в той или иной форме; но в таком случае «средства приспособления» недействительны и теория крушения верна. Или «средства приспособления» действительно в состоянии предотвратить крушение капиталистической системы, т.е. сделать, таким образом, капитализм способным к существованию и устранить, следовательно, его противоречия; но в таком случае **социализм перестает быть исторической необходимостью** и представляет собой все, что угодно, но только не результат материального развития общества. Эта дилемма ведет к другой: или ревизионизм прав в отношении хода капиталистического развития, и в таком случае **социалистическое преобразование общества превращается в утопию**, или социализм не утопия, но тогда неверна теория средств приспособления. That is the question – вот в чем вопрос.⁽⁶²⁾

Это длинное рассуждение Р.Люксембург, в котором она ходит вокруг да около простой проблемы, вскрывает суть революций и партий, за ними стоящими. Они видят, что материальное положение людей неуклонно повышается, и что, вы думаете, что их это обрадовало, что наконец-то народ живет лучше? Ничего подобного! Более того, социалистов, которые зафиксировали эволюции капиталистического хозяйства, революционеры люто возненавидели. Потому что им безразлично, что разрушительные эффекты рынка уменьшаются, гибкость хозяйства увеличивается, доходы работников растут. И все это без социальных потрясений, войн, террора, пыток и гибели миллионов ни в чем не повинных людей. Большевик Преображенский рассуждает, что вот мол, у вас там пока еще не было революции и гражданской войны, которые, неизвестно, сколько всего уничтожат и сколько людей истребят... У нас в России так все порушили, что еле очухались. Но, поскольку у Маркса после капитализма записан социализм – то куда уж деваться? Задумайтесь, разве это не образец невменяемости? Ведь писал Преображенский эти строки не в 1899, а в 1924 году, когда можно было уже поумнеть.

Даже когда революционерам доходчиво объясняют, что все, ребята, вы больше не нужны, идите трудиться в народное хозяйство – революционеры упорно ищут способы воплощения своих идеалов – восстания, переворота, террора к сопротивляющимся их беззакониям, погромам и конфискациям. В.Ленин презирал «буржуазное право и законность», потому что именно они стояли на пути его садистских программ создания нового советского человека и Красной Атлантиды.

Это племя разрушителей. Им все-равно нужен социализм. Фактически – любой ценой.

Идеологическая почва для подобного мировоззрения создавалась на протяжении многих веков. Дело в том, что **учение К.Маркса о коммунизме, есть учение религиозное** (или псевдорелигиозное), а не политическое и социально-экономическое. Только в этом контексте можно верно понять марксизм, систему его аргументации, объяснить фанатизм его адептов и грандиозную роль данной доктрины в истории.

Давно сказано, что *«царство, разделившееся в самом себе, не устоит»*, а также *«разделяй и властвуй»*. Именно эти принципы и реализуются в исторической плоскости всеми последователями марксистских идей. Главная задача, которую ставили перед собой революционеры, – это завладение властью над народом путем его раскола на бедных и богатых, свержения монархий и отстранения от управления национальной аристократии. Идя к власти, революционеры реализовали следующую схему.

1. Внедрение идеи о том, что вся история народов была историей «борьбы классов», то есть войны всех против всех. Ложь этого утверждения очевидна, потому что она отрицает единство родственных, национальных, культурных и религиозных основ любого общества. Если бы тезис о войне «всех против всех» был бы верен, человечество давно прекратило бы свое существование. Вбивая клин ненависти между разными частями народа, марксизм *стирает историю и веру*, как формы духовно-нравственного преемства и единства, предавая забвению *общие для всего народа* подвиги, победы, совместные деяния и достижения, внедряя «вирус отчуждения и вражды» не только между живущими, но и между историческими поколениями.

2. Выделение оторванного от традиции и сконцентрированного в городах многочисленного социального слоя индустриального общества – промышленного пролетариата, как «соли земли», лучшей части народа, возвышающейся над всеми остальными социальными классами. Пролетариат, согласно марксизму, имеет *моральное и историческое право на насилие* в отношении всех остальных частей народа, как *право мести* за якобы нанесенное ему всем этим обществом зло. Порожденный крупной промышленностью пролетариат, наиболее склонный к насилию и деструктивным действиям, ставится марксизмом в центр истории и объявляется самым ценным, что есть в человечестве. К.Маркс наделяет наименее квалифицированную и необразованную часть индустриального общества совокупностью морально-нравственных совершенств, провозглашая пролетариев творцами нового справедливого коммунистического общества всеобщего равенства, гармонии и любви, поэтому *«кто был ничем, тот станет всем»*.

3. Одновременно с этим утверждение марксистов, что класс пролетариата не в состоянии *самостоятельно осознать* своих истинных интересов и исторических задач по перестройке мироустройства, которые, тем не менее, будут реализованы в форме «диктатуры этого самого пролетариата».

4. «Внести» это «правильное сознание» в головы пролетариев, по учению Ленина о партии «нового типа», могут только профессиональные революционеры-интеллигенты, которые посвящены во все премудрости марксизма. Только они способны выработать истинное пролетарские мировоззрение – в противовес совершенно ложному «буржуазному».

5. Ну и завершающий акт по «перехвату сознания» пролетариев: утверждение, что с точки зрения борьбы с ненавистным строем эксплуататоров, совершенно не

важно, из кого будет состоять «авангард революционной партии пролетариата». Из собственно пролетариев или не имеющих к нему никакого отношения, т.н. интеллигентов, в российских условиях – профессиональных революционеров-заговорщиков, обладающих диктаторскими полномочиями в отношении всей остальной партийной массы безропотных исполнителей.

В исторической плоскости реализация этой своеобразной *ленинской «пятичленки»* выглядела следующим образом. Выработывая принципы построения партии «нового типа», Ленин, не являясь здесь оригинальным, опирался на теоретические положения К.Каутского (и приводит эту цитату в работе «Что делать?»), который заявлял по проекту новой программы австрийской социал-демократической партии:

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, что Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают *сознание* его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия всего более чужда этому сознанию... (Несмотря на это возражение, в проекте австрийской программы провозглашается): «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма.

Пролетариат приходит к сознанию возможности и необходимости социализма. В такой связи социалистическое сознание представляется необходимым результатом пролетарской классовой борьбы. *А это совершенно неверно.* Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс.

Но социализм и классовая борьба **возникают рядом одно с другим, а не одно от другого**, возникают при различных предпосылках (*т.е. при переводе на нормальный язык это означает, что классовая борьба возникает из жизни; а учение о социализме – из совсем иного источника, к жизни отношения не имеющего; иначе и то и другие имело бы один источник – реальные отношения и жизненные обстоятельства людей, – прим. наше*).

Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а *пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой*, обе они возникают из современного общественного процесса.носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция, **в головах отдельных членов этого слоя возник ведь современный социализм**, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям там, где это допускают условия. Таким образом, **социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата**, а не нечто стихийно из нее возникшее. Соответственно этому старая Гайндфельдская программа и говорила, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. *В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы».*

Таким образом, Каутский свидетельствует, что: 1) учение о социализме было *изобретено в головах отдельных интеллигентов*, 2) сами условия жизни людей, в том

числе борьба за свои экономические права, принципиально никакого социализма породить не могут.

Вдумайтесь внимательно в эти утверждения.

Кто-то придумал ахиною, которая не имеет никакого отношения к жизни, поэтому реализовать этот бред естественным способом невозможно, в реальной жизни для этого нет никаких предпосылок и потребности. Поэтому нужно искусственно перестроить сознание наиболее организованной части социума, без чего **никакого социализма просто не будет**. И это утверждает не Ф.М.Достоевский или К.П.Победоносцев, а ученик Маркса – К.Каутский.

Узурпация власти в пролетарских партиях, осуществляемая узкой прослойкой функционеров и идеологов, этой самой интеллигенцией и профессиональными революционерами, никогда не была секретом. Данный вопиющий факт бросался в глаза с самого зарождения всех этих заговорщицких организаций. Это признает даже Ленин в этой же статье: «В парламенте бывало не раз (*имеется в виду Германия, прим. наше*), что депутаты враждебных партий дразнили социалистов: «хороши демократы! На словах только у вас движение рабочего класса, – а на деле выступает все та же компания вожаков. Все тот же Бебель, все тот же Либкнехт из года в год, из десятилетия в десятилетие. Да ваши **якобы выборные делегаты от рабочих, более несменяемы, чем назначаемые императором чиновники!**».

Но Ленин, полемизируя с противниками его подхода в построении партии, управляемой узким слоем профессиональных революционеров-заговорщиков, считает это обстоятельство естественным и необходимым: «У немцев достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта, чтобы понимать, что без «десятки» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса». И далее: «Такие кружки, союзы и организации (рабочие и демократические) необходимы повсюду в *самом широком* числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно *смешивать* их с организацией *революционеров*, стирать грань между ними, угашать в массе и без того потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством **вырабатывать из себя профессиональных революционеров**».

Именно для того, чтобы навязать волю «этого десятка талантливых людей, хорошо спевшихся друг с другом» рабочему классу, большевики и выстраивали централизованный механизм марксистской партии, способный **подчинить себе волю масс**, что продемонстрировал XX век. Только разгромив т.н. «экономизм», то есть ситуацию, когда поведение рабочих определяется реальными интересами и условиями жизни, большевики могли в полной мере **взять под свой плотный идеологический и организационный контроль сознание пролетариата**. Потому что целью революционеров было не улучшение социально-экономического положения трудящихся (им на это всегда было наплевать), а свержение существующего строя и захват партией революционеров механизма государственного принуждения. А поскольку осуществить это горсткой революционеров технически невозможно, требуется подрядить на эти цели организованную часть городского населения. Для того, чтобы эффективно управлять многочисленными партийными массами, от имени ко-

торых оглашаются все решения, они были разделены на две неравные части, – на руководящее ядро, состоящее из небольшого числа единомышленников «интеллигентов», которым и принадлежит вся власть, и остальную массу рядовых исполнителей, функция которых заключается в неукоснительном исполнении воли вождей.

Чтобы лишить значимости собственное мнение рабочих, ведь они в принципе могли пойти и за иными политическими силами, марксисты изначально приняли теоретическую установку, что пролетарии не в состоянии ничего в общественных вопросах понимать. Истинным «научным знанием» обладает только руководящая каста партии, тот самый ленинский «десяток спевшихся друг с другом талантливых ребят». Поэтому «авангардом пролетариата» являются они, партия профессиональных революционеров, которая за счет централизма обеспечивает диктаторскую власть ее руководителям и над партийными массами.

На уровне теоретизирования Ленин вторил К.Каутскому в работе «Что делать?»: «...всякое умаление социалистической идеологии, всякое *отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности (на самом деле о естественных, объективных социально-экономических процессах, – **прим. наше**). Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии..., ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократий, состоит в *борьбе со стихийностью*, состоит в том, чтобы *совлечь* рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в №12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут *совлечь* рабочего движения с пути, *определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, совершенно равносильна поэтому отказу от социализма...*».

Таким образом, приведенные выше высказывания Каутского «социалистическое сознание не представляется необходимым результатом пролетарской классовой борьбы» и Ленина «определение пути рабочего движения взаимодействием материальных элементов и материальной среды, равносильно отказу от социализма», являются признанием **вымышленности, искусственности социалистической теории, которая не является следствием реальных условий жизни людей и выражением их естественных интересов.**

Социализм нужен только революционерам, только верхушке партии, в связи с чем, после любой социалистической революции устанавливается жесточайший террористический режим правления этих самых победителей. По своей сути, ленинская конструкция партии «нового типа», разработанная в начале XX века, мало чем отличалась от принципов управления, созданных тайными обществами для борьбы с монархиями (масоны, розенкрейцеры, иллюминаты и т.д.). Нет смысла напоминать и о том, кем по национальности были ведущие идеологи социализма и коммунизма, все эти обладатели «глубокого научного знания», «десяток талантливых и спевшихся между собой ребят», которым пролетариат, согласно доктрине, обязан был подчиняться безоговорочно, передоверив свое сознание манипуляционным технологиям этого само-назначенного «авангарда».

Подмена воли пролетариата волей заговорщиков была произведена Ильичом следующим образом: «Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно также

(и вследствие этого) организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна быть *иного рода*, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть менее конспиративной... Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров*, имея в виду революционеров-социал-демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации **должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов**, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной».

Учитывая, что к революционерам предъявлялись требования по обширным познаниям марксистской талмудистики, на изучение которой у рабочих не было ни времени, ни способностей, этот ход «о стирании всякого различия между рабочими и интеллигенцией», позволил Ленину ввести в состав «авангарда пролетариата» людей, которые к рабочему сословию никогда **не имели совершенно никакого отношения**. В результате революции эти люди и выстроили новое государство и систему управления им. Неестественные формы организации социума, созданные победителями, которые невозможны в нормальном обществе по причине сопротивления этим абсурдным правилам большинства людей, не желающего жить в казарме, требовали создания системы тотального контроля, подавления и насилия. С тем кадровым составом революционеров, который заполз на вершину государственной власти, могла функционировать только эта каторжно-лагерная система, с ГУЛАГами, «шарашками», колхозным рабством и прочими прелестями победившего в конце концов сталинизма.

Если перевести многотомные талмуды специалистов по социальным мятежам и кровавым революциям на язык объективной реальности, то получаем следующую картину. Естественное развитие каждого народа рождает определенный общественный строй со своей социальной пирамидой, системой управления и традицией. В период научно-промышленной революции, огромное влияние на развитие социума оказывает класс промышленников-предпринимателей (т.н. капиталистов), который управляет процессами индустриально-технологического и научного развития, и как следствие, во многом определяет и общественно-политическую жизнь государства и общества. Именно предприниматели, как собственники средств производства, даже в многоукладной экономике, в которой присутствует и государственная собственность, выполняют роль *экономического организатора общества*, занимаясь вопросами промышленного развития *предметно* и чаще всего *лично*.

Марксистская идеология традиционно акцентируют все внимание оболваниваемых ими *народных масс* исключительно на собственности, капитале и прибыли предпринимателей, обосновывая этим обстоятельством свои лукавые рассуждения и мошеннические учения об эксплуатации, социальном неравенстве, несправедливости строя и т.д. За счет этого они формируют социальную поддержку коммунистических идей, опираясь на **чувство зависти**, всеянное грехопадением в человечество – еще Каин убил брата своего Авеля, поддавшись этому искушению.

Однако говоря об экономическом неравенстве, эти манипуляторы умалчивают о том, что предприниматели, помимо владения собственностью и капиталом, являются организаторами технологических и производственных процессов, интегрируя дости-

жения НТР в индустрию. Находясь в конкурентной среде, промышленники вынуждены удовлетворять потребности общества в товарах и услугах наиболее экономичным и эффективным, с точки зрения расходования ресурсов, способом. Иначе производственная деятельность в рыночной экономической системе – неосуществима.

За счет роста эффективности производства, что невозможно без технического развития, предприниматель развивает собственно дело, *лично определяя работу собственного предприятия* в условиях конкурентной борьбы. Именно творческий *предпринимательский труд*, конкретные решения которого из-за огромной вариативности допустимых возможностей нельзя определить заранее, и который невозможно формализовать и стандартизировать на будущее, как раз и обеспечивает обществу, то есть всем людям, максимально возможный набор товаров и услуг. И, помимо этого, многообразие организационных, технологических и промышленных решений, рождаемых *предпринимательской свободой и конкурентной рыночной средой*, обеспечивают необходимые инновации для воплощения на практике достижений науки и техники, создавая необходимый для жизни общества прибавочный продукт, занятость населения и налоги, за счет которых государство может выстраивать социально ориентированно политику.

Изложенные выше рассуждения о предпринимательском классе (промышленных капиталистах) определяются Марксом, Лениными, Каутскими и подобными им «благодетелями рода человеческого», как буржуазное сознание. В противовес этому, «неправильному мировоззрению», вождями революционеров предлагалось мировоззрение социалистическое (коммунистическое). В рамках нового строя, по обещанию этих иудейских мудрецов, под управлением вождей народы заживут припеваючи, без эксплуатации, неравенства и в дружбе трудящихся всего мира.

Обещая «рай на земле», марксизм как бы спрашивал, кого считать авангардом общества: предпринимателей-собственников или профессиональных революционеров-подпольщиков? В пользу кого сделать выбор: людей, профессионально занимающихся собственным делом, или бездельников, демагогов и бездарей, никогда толком не учившихся и тем более не работавших, но алчно завидующих тем, кто что-то создавал своим умом, трудом и организаторским талантом? И под чьим руководством народу будет обеспечена лучшая жизнь? Марксизм делал выбор в пользу вторых.

Поэтому исходным и неискоренимым пороком новой социалистической системы властвования было именно это положение, когда власть отдавалась в руки не инженеров и ученых, промышленников и аграриев, врачей и учителей, военных и деятелей культуры, даже не рабочих и крестьян. Ни в коей мере! Власть в стране была захвачена профессиональными революционерами, среди которых людей созидательных профессий как раз не было. Более того, должность и статус в новой системе управления, быстро оформившейся во власть партийной номенклатуры, обеспечивалась не за счет профессиональных качеств и трудолюбия, достижения конкретного результата и пользы для общества, а исключительно за счет служения интересам нового номенклатурного слоя. Разве могли эти люди, не имеющие опыта общественно полезного труда, всю свою жизнь завидовавшие, разрушавшие и в процессе борьбы за власть ненавидевшие даже собственных «товарищей по партии», осчастливить народ и создать более справедливую общественную систему?

Беспочвенность пропагандистских обещаний лучшей жизни при социализме станет очевидной, если задаться простым вопросом: кто полезней для общества и чье мировоззрение в большей степени отвечает интересам людей? Капиталистов-пред-

принимателей: И.Сикорского, В.Зворыкина, Г.Форда или А.Кана, создающих уникальные и нужные всем вещи и о ком будет подробно рассказано в нашей книге? Или каких-нибудь первых секретарей горкомов и обкомов, всю свою жизнь посвятивших призывам к трудящимся массам лучше работать?

Многие люди, оболваненные всем этим лингвистическим мусором о «диктатуре пролетариата», «буржуазной идеологии», «социальной справедливости и устранении эксплуатации», никак не могут понять элементарного, что в результате Октябрьского переворота и гражданской войны к власти пришли люди без профессии, квалификации, знаний и умений, всю жизнь положившие на тотальное разрушение существующего. Человек без образования и профессии является недоразвитым членом общества. Когда же он еще и не занимается систематически трудом, десятилетиями развивая в себе профессионального революционера и живя за чужой счет (кассы партии, например), – то окончательно деградирует. Ряды профессиональных революционеров как раз и состояли из таких деградантов. Чем занимались эти деятели до революции? Чтение книг, зовущих к разрушению, ненависть к традиции, православной вере и самостоятельным людям, которыми тяжело манипулировать в нужном для революционеров направлении. Бесконечные споры, склоки, интриги, написание статей, манипулирование полуграмотными людьми, стачки, протесты, пропаганда и агитация, призывы к разрушению существующего и разглагольствованию о счастливом будущем, которое наступит под властью всей этой революционной демонологии.

Нужно наконец-то понять, что ленинская партия строилась на системном и принципиальном отборе людей некомпетентных, не имеющих знаний и опыта *ни в чем*, ни в какой созидательной деятельности, но привыкших к **паразитической жизни за чужой счет**. Сначала они жили за счет партийной кассы; затем обустроились за государственный счет в захваченной ими России. Ну и какой же строй и какую жизнь народа могли организовать такие *уроды*? Понятное дело, только *уродскую*.

Почему большевики, захватив власть, позволяли себе массовое истребление ученых, инженеров, исследователей и т.д.? Почему люди, составляющие цвет нации, которые своим умом и талантом были способны выводить страну на ведущие рубежи и побеждать в мировой конкуренции, почему эти люди так безжалостно уничтожались? Потому что страна управлялась некомпетентными, безграмотными и тупыми самозванцами. Лишь мировая война, поставившая всю бредовую систему на грань жизни и смерти, заставила партийную номенклатуру сбавить обороты истребления технической интеллигенции, когда до вождей дошло, что без интеллекта не будет танков, самолетов и т.д. Поэтому хотя бы ради самосохранения, им пришлось терпеть всех этих умников из лабораторий и институтов и даже осыпать последних наградами, премиями, квартирами и дачами, покупая этим лояльность и научно-технические достижения, без которых коммунистическая система оказалась бы неспособной к защите и к внешней экспансии.

Чтобы удостовериться в правильности наших рассуждений, давайте посмотрим, а кем были в США и Европе эмигранты из России, наиболее известные, о ком написано и в этой книге? Они были инженерами, учеными, изобретателями, писателями, квалифицированными рабочими, врачами, военными и т.д. То есть в западном капиталистическом обществе это были уважаемые люди, созидатели, обеспечившие своими талантами и трудом мощнейший рывок технологического развития той же Америке. А кем эти люди были в СССР, где правила не «алчная буржуазия», умеющая ценить дарования человека, а дикая большевистская орда? «Врагами народа», которых власть

недомерков люто ненавидела и систематически истребляла. Обратите внимание на судьбы ученых, инженеров и промышленников, которые эмигрировали на Запад и которых гнобили в коммунистической России: *это одни и те же люди*, но насколько разнится их судьба в различных системах управления государством и народом!

Зададимся вопросом: ну и кого бы избрал народ в качестве своих лидеров, т.н. авангарда, если бы у него была бы такая возможность? За кем бы он пошел в случае *свободного выбора*? За талантливейшими созидателями, всю жизнь работающими на благо людей, добившимися мирового признания творчеством своих светлых голов и «золотых рук» – Сикорским, Понятовым, Зворыкиным, Челищевым, Ипатьевым и тысячами других эмигрантов, вырвавшихся из лап коммунистических вождей? Или за демагогами, садистами и пустомелями, кем были все эти Ленины, Свердловы, Троцкие, Дзержинские, Калинины, Сталины, Бухарины, Ярославские, Молотовы, Ежовы, Берии, Хрущевы, Ворошиловы и прочие злыдни?

Только *помутнением разума и охватившим людей безумием* можно объяснить факт роста популярности сталинизма в стране, которую большевизм изнасиловал, изувечил и залил кровью.

Были ли ясны жуткие перспективы будущего для нашего народа, в случае победы революционеров? Да, о таящемся в коммунизме зле говорили наиболее пронзительные русские мыслители и писатели. Так, Ф.М.Достоевский раскрывал, что начало революции – в сознании людей и повторял своим современникам, что «Социализм – это чистая фантазия» и «Социализм не экономическая теория, а атеистическая».

Великий писатель объяснял, что «Революционная партия тем дурна, что кровь у них дешева. Как ни уравнивай права революциями, но до полного удовлетворения не доравняешь. Революция, кроме конца любви, ни к чему не приводила» или «Социализм основан на неуважении к человечеству (стадность)». Предвидя будущее, Федор Михайлович писал: «Они представили себе человека совсем иным, чем устроила его природа, человеку невозможно отказаться от права собственности, от семейства и свободы, устроить так человека можно только страшным насилием и поставив над ним страшное шпионство и беспредельный контроль самой деспотичной власти».

Социализм, как писал Достоевский, не понимает бесконечной сложности и противоречивости человеческой природы и *«является величайшей клеветой на человеческую природу»*.

Важно заметить, что произведения и взгляды Ф.М.Достоевского одинаково ненавидели такие единомышленники, как коммунист В.Ленин и либерал А.Чубайс.

Писал о грядущем коммунизме **К.Н.Леонтьев**, например в работе **«Средний европеец, как идеал и орудие всемирного разрушения»**: «Коммунизм, думая достигнуть полного *равенства* и совершенной неподвижности путем предварительного разрушения, должен неизбежно, путем борьбы своей с капиталом... привести, с одной стороны, действительно к значительно меньшей экономической неравномерности, сравнительно большему противу нынешнего *экономическому уравнению*, с другой же – к несравненно большему противу теперешнего *неравенству юридическому*...»

Коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу *неподвижного равенства* должен рядом различных сочетаний с другими началами привести постепенно, с одной стороны, к *меньшей подвижности капитала и собственности*, с другой – к новому юридическому неравенству, к новым *привилегиям*, к стеснениям личной свободы и *принудительным* корпоративным *группам*, законами резко очерченным; вероятно, даже к *новым формам личного рабства или закрепощения*.

«...социализм, понятый как следует, есть не что иное, как новый феодализм уже вовсе недалекого будущего... в смысле глубокой неравноправности классов и групп... в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями».

«Можно, не изменяя науке и здравому смыслу, доходить даже до такой мысли, что вся земля будет разделена между подобными общинами и личная поземельная собственность будет когда-нибудь и где-нибудь уничтожена;... но не имеют правдоподобия ни психологически, ни исторически, ни социально, ни органически, ни космически – всеобщая равномерная правда, всеобщее равенство, всеобщая любовь, всеобщая справедливость, всеобщее благоденствие..».

В своей статье «**О всемирной любви**» Константин Леонтьев точно предсказывает: «Социально-политические опыты ближайшего грядущего (которые, по всем вероятностям неотвратимы), будут, конечно, первым и важнейшим камнем преткновения для человеческого ума на ложном пути искания общего блага и гармонии. Социализм (то есть глубокий и отчасти насильственный экономический и бытовой переворот) теперь, видимо, неотвратимы, по крайней мере, для некоторой части человечества.

Но, не говоря уже о том, сколько страданий и обид его воцарение может причинить побежденным (то есть представителям либерально-мещанской цивилизации), сами победители, как бы прочно и хорошо не устроились, очень скоро поймут, что



Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) – русский врач, дипломат, мыслитель религиозно-консервативного направления, философ, писатель, литературный критик, принявший в конце жизни монашеский постриг с именем Климент.

им далеко до благоденствия и покоя. И это как дважды два четыре вот почему: эти будущие победители устроятся или свободнее, либеральнее нас, или, напротив того, законы и порядки их будут несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже *страшнее*.

В последнем случае жизнь этих *новых людей* должна быть гораздо тяжелее, болезненнее жизни хороших, добросовестных монахов в строгих монастырях...».^(62a)

Против будущей сплоченной партийной диктатуры революционеров выступал **М.А.Бакунин**, который предупреждал, что пропагандируемая еще К.Марксом диктатура пролетариата – это «деспотизм управляющего меньшинства», управление «огромного большинства привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять не народ, а самих себя и свои претензии на управление народом».

Такие общественные деятели России, как **С.Ф.Шарапов, А.Д.Нечволодов, Г.В.Бутми** и другие, «раскусившие» лживую сущность марксизма и понявшие его антинаучную, антихристианскую и античеловеческую сущность подчеркивали, что учение Маркса является **системой манипуляционного управления сознанием масс** в складывающемся индустриальном мире.

Сегодня очевидно, что учение о классовой борьбе и пролетарской революции радикально искажает реальные общественные отношения в обществе, имея целью разрушение национальных государств, уничтожение национальной элиты, культуры, религии и порабощение народов централизованной наднациональной силой. На практике данное господство может быть реализовано либо через пролетарскую мировую революцию – т.е. установление **власти мирового интернационала**; либо через космополитизм, оформленный как **власть транснациональной банковской олигархии**.

Русские мыслители, задолго до Октября 1917 года разъясняли, что вместо того, чтобы вскрыть ростовщическую природу создаваемой системы центральных банков, управляемых очень тонкой прослойкой банкиров, монополизации ими кредита и ссудного процента, Маркс создал учение, натравливающее наемных работников на капиталистов-предпринимателей. Тем самым он выводил из под удара мировых финансовых воротил. Созданные в это время по всему миру коммунистические и социалистические партии, принявшие на вооружение теорию марксизма, стали той силой, которая как раз и взялась *«не объяснять, а изменять этот мир»*.

Вот что на этот счет писал русский ученый и публицист **Георгий Бутми** в книге **«Кабала или свобода»** о духовных основах революционных учений:

«Понятно также, что человек, объявивший себя врагом Бога, является врагом всех божественных установлений на земле, а прежде всего – заклятым врагом христианской церкви, а также царской власти, как власти помазанника Божия. Служителям Сатаны во образе золотого тельца необходима республика, или по меньшей мере конституция, дабы власть царскую заменить властью людей, избранных для власти путем подкупа, и таким образом золотого тельца поставить выше помазанника Божия».

Разъясняя механизм подчинения христианских народов бунтарскому духу разрушения, носителями которого являются, прежде всего, иудеи, в работе **«Конституция сатаны»** Георгий Васильевич подчеркивал: «Встречая препятствия своей деятельности в священных верованиях народов, среди которых они жили, иудеи с удивительной последовательностью – путем слова, печати, ложной науки, вовлечением нужных людей в свои грязные дела и, где можно, прямого подкупа – стремятся расшатывать святую Веру, чувство патриотизма, национальную гордость всех народов и привить им идеи безверия и космополитизма, то есть отречения от Веры отцов и от любви к отечеству – под предлогом веротерпимости и служению всему человечеству».

В книге **«Враги рода человеческого»** он разъяснял: «С того же времени иудеи, при посредстве Риккардо, Лассалья и Карла Маркса, подменили границу противоположности экономических интересов и создали те недоразумения между рабочими и предпринимателями, благодаря которым социальная революция не перестает угрожать культурному строю, экономической и политической жизни цивилизованных стран, оставляя в стороне иудеев капиталистов – истинных эксплуататоров и черно-рабочего и предпринимательского труда».

Во время т.н. «русской революции» 1905-1907гг. Г.Бутми взывал к русскому народу: «Карл Маркс, а тем более его последователи, называют «капиталом» всякое имущество – имение, фабрику, завод – хотя бы имущество это было заложено выше своей стоимости, а «капиталистом» они называют всякого предпринимателя, хотя бы у него ничего, кроме долгов не было. Всякому очевидно, что такой хозяин, помещик, фабрикант или лавочник, есть не более, чем батрак, состоящий в кабале у денежного

капиталиста. Но Маркс и его последователи этого батрака-предпринимателя окрестили «капиталистом» и возбудили против него рабочего, да еще в эту междоусобную войну вмешали и государство.

Восстал рабочий против фабриканта, крестьянин против помещика, и все вместе против государства; пошла распря; работа стала; деньги нужны всем; все идет к ростовщику закладывать и занимать деньги за какие угодно проценты. А иудей-ростовщики потирают руки и смеются, потому что вся эта распря касается только видимого капитала, – имений, фабрик, магазинов, а денежный-то капитал, ничего не производящий и всех разоряющий, невидим – его учет? Да еще при такой суматохе?

Да, Карл Маркс – великий иудей. Он всех перессорил, а иудея-капиталиста оставил в стороне. Но русским-то людям следовало бы подумать, прежде чем учением Маркса раздувать внутреннюю распря, от которой могут выиграть только иудеи, да разные инородцы, которые воспользуются общей суматохой для того, чтобы отложиться от России. Им, этим лжеучителям, следовало бы вспомнить слова писания: *«проклят, иже слепого сбивает с пути»*.⁽⁶²⁶⁾

В этой связи интересны многочисленные замечания основоположника анархизма М.Бакунина относительно духовно-идейного родства, казалось бы таких противоположных фигур, как К.Маркс и Ротшильды. Последние, как известно, были банковскими «королями» того времени. Например, Бакунин, который лично знал Маркса, писал: «Итак, весь этот еврейский мир, образующий эксплуатирующую секту, ... тесно и глубоко организованного не только сквозь границы государства, но и через все разнообразие политических мнений, этот еврейский мир сегодня по большей части находится в распоряжении Маркса с одной стороны, и Ротшильдов с другой. Я уверен, что Ротшильды, со своей стороны, ценят заслуги Маркса, и что Маркс, с другой стороны, чувствует инстинктивную привлекательность и большое уважение Ротшильдам.

Это может показаться странным. Что может быть общего между коммунизмом и высокими банковскими сферами? Но дело в том, что коммунизм Маркса желает мощной централизации государства, а там, где есть централизация государства, сегодня обязательно должен иметься Центральный банк государства, а там, где подобный банк существует, паразитирующая нация евреев, спекулирующая на работе народа, всегда найдет средства к существованию...».

Известный американский исследователь **Энтони Саттон** в своих работах утверждал, что Маркс получал от финансистов деньги под «социальные заказы» последних, резюмируя глубинную суть его учения: «Маркс понимал, что если небольшая группа людей завладеет предложением денег и институтом кредитно-банковских учреждений государства (Центральным банком), то она единолично сможет управлять циклом «бум – спад» экономики этого государства. Для каких целей элиты (банкиры-ростовщики) финансировали Маркса? Цель одна – ...добиться господства элиты. Марксизм – это средство для упрочения власти элиты. Он не ставит своей задачей облегчить страдания бедных или способствовать прогрессу человечества. Это всего лишь план элиты...».

Российский публицист кон.ХІХ – нач.ХХ века **В.Махайский** предупреждал об опасности для рабочих прихода к власти нового, образованного класса, который, подстрекая массы к революции, сам стремится превратиться в господствующий класс. Как мы видели выше, Ленин, разрабатывая организационные и идеологические основы партии «нового типа», писал, что она должна состоять из узкого круга партийных функционеров (он и стал зародышем будущего «нового класса») и широкой партий-

ной массы. После Октябрьской революции власть партokratической элиты была институализирована в форме номенклатурной системы (И. Сталин писал о «своего роде ордене меченосцев»). В 1920-1930-х годах проигравший борьбу за власть **Л. Троцкий** в работе **«Преданная революция»** говорил о бюрократическом перерождении верхушки партии, обвиняя Сталина в том, что он наделил аппаратную партийную элиту бесконтрольной властью, способствуя образованию на ее основе нового господствующего класса.^(62в)

В работе **«За национальную Россию. Манифест русского движения»** **И.А. Ильин** емко охарактеризовал сущность большевизма:

«Большевизм есть ни что иное, как последовательно проведенная революция: ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия. Дух поругания святынь, дух зависти и мести, дух восстания низшего на высшее, дух отрицания и разложения, дух грабежа и террора. Этот дух заложен в *каждой революции*, хотя не каждая осуществляет его последовательно и до конца. Русская же революция явила его именно до конца.

Революция не есть просто «насильственное свержение нежелательной власти». Такое свержение следует называть не революцией, а *переворотом*. Революция же есть *массовое духовное заболевание*: ослабление и распадение *духовных устоев*. Если слабеет одно только одно правосознание, а силы религиозной веры, совести, чести, патриотизма, национального чувства остаются непоколебимыми, то все эти силы скоро залечивают рану правосознания и переворот не становится революцией. Но если все эти священные силы духа находятся в состоянии кризиса, то может распасться и выродиться вся жизнь.

... большевизм есть *разложение духа и разнуздание алчности* в человеческой душе. В человеке разлагается и слабеет духовное начало: он начинает посягать на все и разрешать себе все. Формулы большевизма: «все немедленно мне» «все средства хороши». Именно поэтому на большевизм так легко отзываются все *беспринципные карьеристы, все политические авантюристы, безыдейные честолубцы, продажные люди, хулиганы и в особенности профессиональные преступники*. Большевизм есть вторжение разбоя в политику и в то же время превращение внутренней и внешней *политики* государства в *уголовщину*.

Большевицкое настроение всегда живет в нравственных низах общества. Но оно может охватить и целый класс. Тогда этот класс станет *революционным*; требования его окажутся *максимальными* и государственно-разрушительными; он не останется ни перед какими средствами борьбы и начнет гражданскую войну. Поэтому в политическом отношении большевизм есть *максимализм и терроризм*.

В душе, заболевшей большевизмом, смолкают все духовные побуждения: правосознание, патриотизм, чувство чести, долг, совесть и вера. Тогда человек отдается жадности и «политика» его становится свирепой и бессовестной. Такой дух живет в классовом понимании государства у Маркса. Классовая борьба есть не что иное, как прикровенная и «приличная» гражданская война; достаточно «революционному классу» потерять терпение и ожесточиться – и гражданская война начнется в открытую. Поэтому большевизм по самому существу своему отвергает государство, ибо государство есть начало *сверхклассового мира, солидарного сотрудничества, твердого правопорядка и справедливости*. Большевизм отвергает и самое право и пытается построить жизнь на принуждении.

Правопорядок строится на самостоятельном и самодеятельном субъекте прав; на законе и законности; на справедливости. Большевизм отвергает все эти основы.

Он подавляет свободного человека, его инициативу и его духовное самоуправление: человек есть для большевика материальный атом, покорная машина или раб. Большевик отдает все в монопольное распоряжение государства: люди делятся для него на *чиновников и бесправных рабов*. Поэтому большевизм есть *деспотизм*. Он презирует закон и законность: власть не связана ничем, а рабы связаны вечным гнетом и страхом. Большевицкое государство является *единственным рабовладельцем во всей стране*: вся частная собственность отменяется; частных предприятий нет. Все оказываются абсолютно *бедными и абсолютно зависимыми от монопольного работодателя*. Все оружие конфискуется: восстание без оружия невозможно. *Нищета, голод и страх закрепляют рабство*. И над всем возвышается новое привилегированное сословие – коммунистическая партия (около 2% населения), вооруженная, всем распоряжающаяся и пронизывающая страну всеобщим политическим сыском и доносительством.

В *хозяйственном* отношении большевистское государство осуществляет *коммунистический* строй (называемый также социализмом). Идея коммунизма состоит в том, чтобы 1) погасить личную инициативу в хозяйстве и заменить ее всепредусматривающим и всерегулирующим распоряжением, идущим из полновластного центра; 2) в том, чтобы погасить у людей личную заинтересованность в труде и заменить ее принуждением и обязательным для всех революционным «пафосом»; 3) в том, чтобы построить хозяйство по единому плану на равенстве бесправных наемников. Это приводит к всеобщему безразличию, падению качества и количеств продукта, к страшному повышению себестоимости, к «плановому» хаосу, ко всеобщей бесхозяйственности и безответственности, к падению производства, потребления и вывоза.

В смысле мирозерцания – большевизм есть *материализм*: нет ничего кроме материи и чувственных состояний тела. Нет души. Нет духа. Нет Бога. Религия есть лицемерная выдумка богатых, для одурачения и порабощения бедных. Иисуса Христа «не было». Христианство есть фальшь. Хорошо то, что полезно большевицкой революции. Добро и зло, красота, истина, честь, любовь к отечеству, национализм – пустые и вредные выдумки. Семья есть реакционная форма жизни; ее надо разрушить. Христианская церковь есть главная реакционная сила и главная опасность для большевицкой революции. Отсюда гонения на христианство, и, в особенности, на Православие. *Россия есть лишь плацдарм и орудие для мировой революции. Все народы должны быть соблазнены, разложены и покорены коммунистической революцией*.

Для всего этого необходимо *разрушить весь исторически унаследованный душевный уклад и подорвать все прежние духовные основы человека*. Это надо осуществить *во всем мире; и притом – любой ценой*, не останавливаясь ни перед какими злодеяниями; *не щадя ни поколений, ни народов*.

Таковы планы и «дары» большевизма: освободить человека от веры, совести и чести, сделать его безродным, бессемейным нищим и поработить его мировому коммунистическому центру, опирающемуся на безбожников и злодеев всех стран («Коммунистический Интернационал»).^(62*)

Тогда законен вопрос: как смогли эти бездари, тупицы и негодяи захватить власть? Как они смогли убедить значительное число людей поверить им?

Краткий ответ: соблазн, лукавство и обман, как это всегда проделывает с человечеством «отец лжи», «человекоубийца искони». Социалистическая литература XIX – нач. XX вв. занималась критикой существующего строя, в котором, разумеется, очень

много несправедливости и иных пороков человеческого общества, которые всегда были, есть и будут. Они же, социалисты, создали сказочный миф о светлом будущем человечества, лишенным недостатков и зла. Поскольку же революционеры ничего не рассказывали о том, каким образом они **будут насаждать счастье и гармонию** в этом мире, то значительная часть людей поверила этим басням, доверив свое сознание шарлатанам и разбойникам. Чем те не преминули воспользоваться. После чего жестоко и методично подавляли и истребляли всех недовольных, несогласных и даже сомневающихся.

Никто ведь не разъяснял работающему человеку, который получал при царе полновесные 100, 500 или 1000 рублей, а мечтал получать больше, что при большевиках его посадят на полуголодный паек. А в случае недовольства, доноса или недостаточно хорошей работы, включая опоздание или прогул, – просто отправят на лесоповал, где он проведет ближайшие 5-10 или 15 лет.

Никто не раскрывал перед интеллигенцией и священниками, что их ждут Колыма, Соловки, Бутовский полигон и прочие рядовые будни новой жизни, поскольку они недостаточно громко орали о своей преданности к духовно поврежденным и умственно недоразвитым кровавым палачам, захватившим власть. И крестьянам никто не стал заранее рассказывать, что лозунг «Земля – крестьянам!» на самом деле означает загон в колхозное стойло, куда власти сгребут все имущество сельчан и будут распоряжаться им исключительно по своему собственному усмотрению, не обращая никакого внимания на миллионный падеж деревенского населения в голодные годы.

И поскольку весь народ внутри периметра социалистического лагеря всегда рассматривался в качестве подневольной и бесправной рабсилы, то покинуть эту зону без специального разрешения начальника было невозможно. В связи с тем, что желающих покинуть страну победившего социализма было предостаточно, то беглецов за кордон, когда их ловили, просто ставили к стенке. Так часто делают при побеге заключенного из мест лишения свободы, для устрашения и чтобы другим умникам неповадно было.

Только при Хрущеве смилостивились и за попытку побега из страны, «*где так вольно дышит человек*», – и в первоначальном варианте гимна эти двое счастливицев даже были названы: это Ленин, который «*путь озарил*» и Сталин, который «*всех вырастил*», – несчастного просто сажали в тюрьму.

Вместо описанных выше казарменных форм организации социалистического общества, которое будут осуществлены в реальности, большевики-сказочники пели о прекрасном и беззаботном будущем человечества. Когда наконец-то не станет частной собственности, нещадно эксплуатирующей человека труда. Когда наконец-то будет покончено с ненавистным для всех сатанистов т.н. клерикализмом, то есть с православной церковью и верой Христовой в России. Когда будут отменены, как «несправедливые», все буржуазные политические и экономические права человека. Когда будет покончено с жестокой царской цензурой, не дающей творческому началу расцвести всеми цветами радуги (в прямом и переносном смысле) и прочих атрибутов императорской «тюрьмы народов».

Поверив коммунистическому змею искусителю, несчастный народ был обречен испить чашу человеконенавистничества той inferнальной силы, орудиями которой являются все революционеры от создания мира. Данная книга как раз и является сжатым конспектом тех злодеяний, которые творили oprичники Люцифера, захватившие власть в России в 1917 году.

Для прикрытия своих истинных целей, коммунисты всегда провозглашали идею социальной справедливости, понимаемую как **отсутствиие богатых**, на **самом деле** осуществляя разделение общества и натравливание одной части народа – на другую. Марксизм отделил человека от результатов его труда, которое присвоило государство, то есть чиновничий бюрократический аппарат, располагающий для этого институтами принуждения и подавления. Все, что создал человек своим трудом в этой монополевой системе – передается в распоряжение государства, которое само решает за человека, как использовать эти ресурсы. Провозглашая отказ от наследования собственности, как идеал коммунистического общества, борясь с передачей родителями имущества своим потомкам, которое их дети «не заработали», классический марксизм стремился разделить поколения, лишить их материальной независимости от власти и преемственной связи, создающей народ. Тем самым во многом обесмысливая труд, неподконтрольный государственным чиновникам.

Принудительно уравнивая людей в труде, запрещая частную собственность и «эксплуатацию» – именно в кавычках, потому что на место частно-собственнической эксплуатации, государство воздвигает эксплуатацию чиновника, гораздо более тяжёлую, тупую и невыгодную для нормального работника. Так что именно революционеры создают общество социально несправедливое, в котором человек, лишенный экономической независимости перед государством, теряет все свои политические и экономические права, поскольку монополевая система лишает его свободы труда, возможности альтернативного выбора товара, свободы перемещения и проживания. При капитализме его голос еще что-то значит в политической и экономической системе. При социализме же бюрократия присваивает себе этот голос, низводя работника до послушного и безгласного исполнителя распоряжений правящего слоя, прикрывающегося ширмой абстрактного понятия «интересов государства» и демагогическими рассуждениями о «социальной справедливости».

На примере истории России мы неизменно наблюдаем это безразличие большевиков к мнению и воле народа. В качестве такого безразличия, можно привести свидетельство Л.Троцкого о гражданской войне, который заявил: **«Если бы Белые выбросили бы лозунг «Кулацкого Царя», мы не продержались бы и двух недель»**. Понятное дело, что Л.Троцкий не мог сказать – народного или крестьянского Царя... Очевидно, что для Троцкого не является никаким секретом, что основной части народа – крестьянству, – власть большевиков и даром была не нужна. Просто для реализации крестьянского интереса в самодержавной монархии в тот период не нашлось соответствующей политической силы. Но, в данном случае, основная масса населения России, то есть крестьянство, представляло для революционеров примерно такую же животную массу, какую для плантатора в прошлом представляли негры. Невозможно уловить совершенно никакой разницы.

Великий русский писатель **Л.Н.Толстой** не увидел диктатуры большевиков, но он застал ее репетицию – революцию 1905 года. И вот как он охарактеризовал ее участников:

«Убиты тысячи людей, приведены в отчаяние, озлобление, озверение все русские люди. И все это ради чего? Все это ради того, что среди небольшой кучки людей, едва ли одной десятитысячной всего народа, некоторые люди решили, что для самого лучшего устройства русского государства нужно продолжение той думы, которая заседала последнее время, другие, что нужна другая дума с общей, тайной, равной

и т.д., третьи, что нужна республика, четвертые – не простая, а социалистическая республика. И ради этого вы возбуждаете междоусобную войну.

Вы говорите, что вы делаете это для народа, что главная цель ваша – благо народа. Но ведь стомиллионный народ, для которого вы это делаете, и не просит вас об этом и не нуждается во всем том, чего вы стараетесь достигнуть такими дурными средствами. **Народ не нуждается во всех вас** и всегда смотрел и смотрит на вас и не может смотреть иначе, как на тех самых дармоедов, которые теми или иными путями отнимают от него его труды и отягощают его жизнь».⁽⁶³⁾

В контексте обсуждаемой темы, главное для нас заключается в понимании того, что Л.Троцкому, как и Р.Люксембург и всем остальным революционерам, совершенно безразлично мнение подавляющего народного большинства. Потому что **революционеры никогда не являются выразителями мнения народа**. Революционеры используют какую-то часть народа для реализации своих интересов и достижения своих целей. Из свидетельства Троцкого неизбежно вытекает, что в случае провозглашения во время гражданской войны в стране Самодержавной царской власти, коммунистов удавили бы «без шума и пыли».

Тогда в будущем никто не рассуждал бы об объективной неизбежности социалистической революции в России, все забыли бы про «Есть такая партия» и «Революция, о которой так долго говорили, большевики, свершилась» и прочие скудоумные штампы советской историографии о том времени. Соответственно, в ответ на мнение народа, который не нуждался в революционных поводырях и надсмотрщиках, либералы и революционеры левой ориентации люто ненавидели Русский Царизм, потому что **Самодержавная Монархия в России – это смерть любой революции**.

История ушедшего столетия показала, что любая жесткость капиталистических отношений не шла ни в какое сравнение с садистской беспощадностью, которую демонстрировал в отношении народа социализм. Особенно наглядным данный контраст был в 1920-1950-е годы. Смягчение управленческих практик после смерти Сталина, когда людей начинают воспринимать все-таки не как поденный скот, приходится на период правления Н.Хрущева и Л.Брежнева, которых современные сталинисты ненавидят и презирают. Что крайне символично и поучительно.

Глава 4.

Сталинская живодерня: изуверский конвейер истребления народа.

Революционеры всех мастей рассказывали об ужасах русского царизма, арестах, каторгах, ссылках... В то же самое время при этом «жесточайшем режиме» революционер Джугашвили, например, арестовывался 6 раз, но благополучно бежал из заключения 5 раз. Другой «пленник царизма» В.Ульянов, брат человека, казненного за покушение на царя, сам активный революционер, ехал к месту ссылки не в арестантском вагоне, а в пассажирском. Быт В.Ульянова описывал в своей книге **«Малознакомый Ленин»** его бывший единомышленник **Николай Валентинов**. Он вспоминал, что находясь в селе Шушенском в ссылке, Володя отдавался спорту, конькам, охоте. Тетерки, утки, зайцы, дупеля не сходят с его стола. Владимир Ульянов преспокойно получал пособие от государства (на содержание ссыльных царское правительство выдавало 8 рублей в месяц). Ездил в гости к другим ссыльным и принимал их у себя, получал через родню тюки журналов, газет, русские, немецкие, французские книги, нелегальные издания, сочинял свои революционные труды и даже имел возможность налаживать свою личную жизнь с Н.К.Крупской, оформив с ней в этой ссылке брак.